

Александр Анатольевич Доманин
Монгольская империя Чингизидов.
Чингисхан и его преемники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590055

А. Доманин. Монгольская империя Чингизидов. Чингисхан и его преемники. 2-е изд., испр. и доп.:

Центрполиграф; Москва; 2010

ISBN 978-5-227-02115-1

Аннотация

В книге ярко и в доступной форме рассказывается о сложнейшем и интереснейшем периоде мировой истории – Монгольской империи Чингисхана и его преемников.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей.

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	54
Глава 5	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Доманин
Монгольская империя Чингизидов.
Чингисхан и его преемники

Памяти моего отца

Введение

В мировой истории существует немало явлений, поражающих воображение своей кажущейся нелогичностью, несоразмерностью гигантских последствий и вроде бы незначительных причин, их вызвавших, несоизмеримостью Ответа на брошенный Вызов.¹ Как укрепленный разбойничий лагерь, основанный главарем бандитов Ромулом, превратился в Вечный город – столицу могучей империи? Почему огромная Персия, у которой количество воинов превышало все население Греции, включая грудных младенцев, проиграла этим грекам войну? Каким образом дезорганизованная, голодная, необученная армия Французской Республики одержала победу над своими многочисленными врагами, стремившимися задушить Великую Революцию? Такие воображаемые несообразности можно перечислять очень долго, но куда сложнее дать ответы на подобного рода вопросы. Впрочем, некоторые явления объясняются достаточно просто: тут можно вспомнить роль личности, технологическое и моральное превосходство и так далее. Но есть факты истории, истолковать которые значительно сложнее. И одним из самых удивительных феноменов мирового исторического процесса стала монгольская всемирная империя Чингисхана и его преемников. Раскрытие основных составляющих этого уникального исторического явления – личностной, политической, психологической, военной, идеологической – и является основной задачей этой книги.

На этом пути существует немало трудностей. Одна из самых серьезных – резкое культурологическое расхождение двух очень разных типов цивилизации – кочевого и оседлого. Современному российскому читателю, воспитанному, как правило, в традициях западного типа культуры (при всем нашем своеобразии), трудно понять даже самые элементарные поведенческие стереотипы образа жизни кочевника-степняка. То, что для средневекового монгола было естественным, как дыхание, сегодня воспринимается как нонсенс. Вот классический пример, ставивший в тупик многих исследователей жизни Чингисхана: при набеге меркитов он оставил свою жену, фактически обрекая ее на неизбежное пленение, так как для нее «не хватило коня». При этом, с нашей точки зрения, лошадей хватило бы на всех, и поведение Чингисхана представляется большинству историков (особенно западных) совершенно необъяснимым, и начинаются разного рода спекуляции и просто фантазии: он не любил свою жену (что противоречит всей дальнейшей жизни Чингисхана); он рассчитывал, что ее не найдут или не тронут (нелепо!); он трусил, впал в панику и бежал, ничего не соображая (и это будущий железный полководец, создатель могучей империи). В общем, варианты можно множить, а в реальности для монгола здесь не возникало даже выбора, как поступить. Императив первый: жизнь главы семьи важнее жизни остальных ее членов. Императив второй: чтобы спастись от вражеского преследования, у главы семьи должен быть заводной конь. И все, для любого монгола абсолютно ясно, почему на девять членов семьи не хватило девяти лошадей. Одному члену семьи *действительно* не достало коня. Лишней в данном случае оказалась Борте.

Этот пример приведен здесь лишь как наиболее ярко иллюстрирующий разность менталитета кочевых и оседлых народов. Но подобного рода коллизии, пусть и не такие очевидные, возникают постоянно, затрудняя восприятие и интерпретацию фактов. Отсюда и сложность для нашего восприятия такого важнейшего источника по истории монголов, как «Сокровенное Сказание» (другое название – «Тайная история монголов»). Ситуацию еще более осложняет тот факт, что остальные источники по монгольской истории написаны пред-

¹ Главные элементы исторической концепции английского историка Арнольда Тойнби. Его теорию иногда так и называют «теорией Вызова и Ответа».

ставителями других типов цивилизаций – китайской и исламской. И если вторая хотя бы стремилась понять и объяснить деяния монголов, памятуя о своих полукочевых предках-арабах, за полтысячелетия до Чингисхана покоривших половину мира, то китайская культура никогда не принимала и не понимала принципов кочевого общества. Для китайцев все кочевники были варварами, сеющими смерть ради грабежа и бессмысленного разрушения. Между тем, в силу географических причин именно китайские источники являются наиболее многочисленными (особенно до середины XIII века). Впоследствии, после монгольских завоеваний, появилась и еще одна группа источников – панегирические по отношению к Чингисхану и его преемникам. В них тоже непросто отделить правду от лжи, но, если можно так выразиться, – в обратном смысле.

В целом великие потрясения эпохи Чингисхана и его наследников описаны достаточно подробно в сочинениях разных народов – собственно монгольских, китайских, арабских, русских, армянских, западноевропейских. Здесь не место для подробного историографического очерка, но стоит назвать хотя бы важнейшие из исторических источников на эту тему. В первую очередь следует назвать удивительное, а в чем-то и уникальное «Сокровенное Сказание». Написанное одним из ближайших сподвижников Чингисхана (возможно, его приемным сыном Шиги-Хутуху) вскоре после смерти великого завоевателя, оно дает совершенно исключительный взгляд изнутри, взгляд почти непосредственного очевидца событий или, по крайней мере, собеседника очевидцев, больше того – прямых творцов этих событий, не исключая, вероятно, и самого Чингисхана. В общем, значение этой небольшой книги трудно переоценить, особенно в том, что касается периода, предшествующего великому курултаю 1206 года, провозгласившему создание монгольской империи. Есть у «Сокровенного Сказания» и минусы, как это ни странно, напрямую связанные с главным плюсом – монгольским происхождением. Это и почти полное отсутствие датировок, особенно событий XII века – периода становления державы Чингисхана. Это и сам характер сочинения – в первую очередь, это все-таки «Сказание», а не «История». В этом смысле она перекликается с известнейшим «Словом о полку Игореве». Литературный характер произведения часто толкает автора к иносказаниям, умышленным неясностям и вуалированию. «Умному достаточно» – вот кредо создателя «Сокровенного Сказания».

Вторым важнейшим свидетельством эпохи монгольских завоеваний является знаменитый «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») Рашид ад-Дина. Этот выдающийся историк в течение двадцати лет занимал важнейшие чиновничьи посты при монгольских ханах Ирана – Хулагуидах. По заказу ильханов² им и был создан (точнее, отредактирован) этот выдающийся труд. В силу своего высокого положения Рашид ад-Дин был допущен к совершенно секретной информации – знаменитому «золотому сундуку» – семейным реликвиям Чингизидов, в котором хранились тексты, посвященные родовой истории Чингисхана, описанию походов и деяний создателя империи и его потомков. Выражаясь современным языком, эта информация была полностью закрытой и предназначалась только для членов царствующей династии. Заслуга Рашид ад-Дина в том, что он сделал ее доступной, хотя, очевидно, не в полном объеме. Конечно, в силу объективных причин, труд этот во многом панегиричен, тем не менее, с точки зрения фактологии он совершенно незаменим.

Отметим и еще одну важную группу источников – произведения китайских авторов. Особое место среди них занимает «Полное описание монголо-татар» («Мэнда бэй-лу») Чжао Хуна. Это единственный текст, написанный еще при жизни Чингисхана, – что называется, по горячим следам. Если учесть уже упомянутую специфику китайской историографии, то сочинение Чжао Хуна (заметим, непосредственного свидетеля завоеваний Чингис-

² Ильхан – «звездный хан». Так называлась монгольская династия, основанная внуком Чингисхана Хулагу и правившая в Иране с 1256 по 1353 год.

хана – он был послом южнокитайской династии Сун в ставке Мухали, ханского наместника в северном, Цзиньском, Китае) нужно оценить достаточно высоко. Другой важнейший китайский труд по истории монгольской империи, легендарная «Юань-ши» («История династии Юань», т.е. Чингизидов), весьма информативна, но, к сожалению, лишь небольшая ее часть переведена на русский язык – вероятно, из-за ее большого объема.

В заключение этого небольшого историографического экскурса стоит отметить еще одну очень интересную группу исторических свидетельств – произведения европейских авторов, в силу разных обстоятельств оказавшихся среди монголов. Это «История мунгалов» Плано Карпини, «Путешествие в восточные страны» Гийома де Рубрука и широко известная (хотя известность эта довольно сомнительная) «Книга Марко Поло». Особенно ценна книга Рубрука – вообще человека приметливого, удивительно наблюдательного. Рубрук лично встречался с Батыем (Бату) – покорителем Руси, с последним всемонгольским ханом Менгу (Мункэ) и оставил очень яркие зарисовки монгольского быта.

Конечно, этим кратким перечнем далеко не исчерпывается почти необозримая литература, посвященная истории монгольской империи. Для интересующихся этой темой в конце книги приложен библиографический список источников и литературы. Здесь же необходимо сделать немаловажное авторское отступление.

При работе над этой книгой я столкнулся с целым рядом специфических проблем (в дополнение к уже упомянутым). Так, например, в силу разноязычности источников большую сложность представляла правильная передача имен собственных, географических названий и т.п. Скажем, имя знаменитого полководца Субэдэя, одного из «четырех псов» Чингисхана, имеет, по меньшей мере, десяток записанных вариантов произношения. Не желая вступать в спор с профессиональными монголоведами, я выбрал следующую схему: там, где в русском языке уже сформировался некий общепринятый принцип написания, будет применяться именно он. Будет «Темучин» вместо более близкого к монгольскому «Тэмуджин», «Тэмучжин». Джучи вместо Джочи, Батый вместо правильного Бату и т.д. Иногда это будет дополнительно оговариваться, но я посчитал, что перегружать книгу этим не стоит. В большинстве остальных случаев будет принята транскрипция Рашид ад-Дина, иногда – «Сокровенного Сказания». В спорных случаях – например, когда неясно, идет ли речь об одном и том же человеке, автор оставляет за собой право на собственное мнение.

Еще в большей степени это касается некоторых небесспорных фактов или их различной интерпретации в исторической литературе. По ряду случаев у меня имеется своя версия событий, отличающаяся от принятых в современной историографии: например, о происхождении названия «монгол», о двукратном провозглашении Темучина Чингисханом и т.д. Такого рода авторские версии будут по возможности оговариваться; вместе с тем, я считаю, что авторская интерпретация событий, при условии, что факты изложены верно, – неотъемлемое право историка. За точность же изложения фактов я ручаюсь.

В заключение этого несколько затянувшегося введения добавим, что автор ставил перед собой цель понятным языком рассказать о сложнейшем и интереснейшем периоде мировой истории. При этом мне хотелось сохранить максимальную объективность повествования, без развешивания ярлыков вроде «Темучин – кровавый пес войны» или полярной точки зрения – «Темучин – величайший герой». К сожалению, многие, особенно современные оценки, страдают подобной субъективностью. Я постарался в меру своих сил писать «без гнева и пристрастия». Тебе, читатель, судить, насколько это у меня получилось.

Александр Доманин

Глава 1

Великая степь в пространстве и времени

Восемьсот лет назад, в самом начале весны 1206 года, у истоков реки Онон (на границе современных России и Монголии) произошло событие планетарного масштаба, которое его современники, кроме, конечно, самих участников, практически не заметили. Некий князь кочевых монголов Темучин из рода Кият-Борджигин был поднят на кошме из белого войлока и провозглашен своими сподвижниками ханом всех монголов – Чингисханом³. Так выбирались ханы и за тысячу лет до него, и от скольких из них – больших и маленьких – в истории порой не осталось даже имени... С Чингисханом получилось иначе. Уже через несколько десятилетий стало ясно, что март 1206 года явился поворотной вехой истории – датой создания великой Монгольской империи.

Монгольскую империю Чингизидов иногда называют «степной империей». Название по сути неверное, ведь в период своего расцвета держава монголов простиралась от лесов Северной Руси до тропических джунглей Вьетнама. 95% жителей нового сверхгосударства оседло жили вне пределов степи – в горах, лесах, речных долинах и оазисах. И все же, если взять действительно главный стержень новой державы, то название это правильное. Степь сформировала весь образ жизни монгольских завоевателей, наложила свой властный отпечаток на их менталитет и культуру; гигантские степные просторы, словно костяк, скрепляли всю огромную империю. Нигде, кроме степи, монгол не мог чувствовать себя по-настоящему счастливым. И эта степь, породившая и взрастившая величайших в мировой истории завоевателей, по праву получила название Великой.

От берегов Адриатического моря до Тихого океана и уссурийской тайги, через всю Евразию протянулась Великая степь. Десять тысяч километров с запада на восток, две, а то и три тысячи с севера на юг – и размеры, и географическое положение делают Великую степь настоящим станковым хребтом крупнейшего континента Земли. С севера ее ограничивают сибирская тайга и смешанные леса Русской равнины, с юга – великие горные системы Евразии, от Наньшаня до Кавказа. И сама степь далеко не представляет собой единое пространство, поросшее травой от горизонта до горизонта, как многие привыкли думать. И природа, и климатические условия достаточно четко делят Великую степь на две половины.

Западная часть Великой степи, более низменная и влажная, включает в себя почти всю территорию нынешнего Казахстана, степную зону Западной Сибири и Урала (от гор Алтая и верховьев Оби до Волги и Каспия), Причерноморскую (или Южнорусскую) степь и упирается в Карпатские горы, за которыми лежит последний ее отросток – венгерская пушта. Эту западную часть Великой степи в большей или меньшей степени питают своими дождями и снегопадами циклоны, идущие с Атлантики. Летом это создает изумительные условия для пастбищного и кочевого скотоводства. Но зимой... Наверное, все помнят картину снежного бурана, описанную Пушкиным в «Капитанской дочке». Снега наносит по колено, а то и по пояс человеку, многочисленный скот прокормить в этих условиях почти невозможно. Поэтому стада на зиму всегда переводят на стойловое содержание. Пастухи-скотоводы вынуждены переходить к оседлой жизни, строить себе добротные дома для защиты от буранов, и так – до следующей весны. Именно поэтому в западной части Великой степи не сложилось и не могло сложиться подлинно кочевое скотоводческое хозяйство. Такой образ жизни лучше назвать полукочевым, и он формировал и свою особенную культуру, и особенные общественные отношения. Весной и летом кочевники Западной степи

³ О возможных значениях слова Чингис см. ниже, в гл. 6.

представляли собой грозную силу, неожиданно появляясь и нападая на соседей-земледельцев. Зимой, прикованные к местам своих стоянок, они становились очень уязвимы для ответной атаки (вспомним хотя бы 60 (!) походов Владимира Мономаха на половцев). В этих условиях полукочевники западной части великой степи, окруженные куда более многочисленными оседлыми народами, так и не смогли создать собственного государства. Иное дело – восточная половина.

Атлантические циклоны, увлажняющие западную степь, значительно слабеют после многотысячекилометрового пути над сушей (поэтому, между прочим, казахские степи куда более засушливы, чем, например, донские). А в конце этого пути их встречают мощные горные преграды Алтая и Тянь-шаня, преодолеть которые они не могут. Тихоокеанские муссоны в зимний период движутся от материка к океану. В результате в Центральной Азии зимой царит самый мощный в мире антициклон (так называемый азиатский максимум). Воздух свеж и прозрачен, и, несмотря на постоянные жестокие, особенно ночью, морозы (до -50 градусов) степь в течение всей зимы остается практически бесснежной. Сухая прошлогодняя трава легко доступна для травоядных животных на всем необозримом пространстве восточной степи. Весной воздух, раскаленный от перегретой палящими солнечными лучами почвы, размывает нижние слои атмосферы, и в образовавшуюся полосу низкого давления вторгаются несущие обильную влагу тихоокеанские муссоны. Степь словно вскипает жизнью. Травы, особенно в Восточной Монголии и предгорьях Большого Хингана, достигают человеческого роста, а порой скрывают и всадника с конем. И этой травы хватает многочисленным степным животным, домашним и диким, на весь год. Скот кочует со своими хозяевами-пастухами от пастбища к пастбищу, никогда не задерживаясь подолгу на одном месте. Кочевой образ жизни приобретает в этой части степи абсолютный и непреложный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не привязанные к одному месту, мобильные в любое время года и почти неуязвимые для медлительных и неповоротливых армий оседлых соседей, кочевники превращаются в страшную силу... если находится власть, способная их объединить. Когда такая власть (или личность) возникала, в восточной части Великой степи появлялись могучие государственные образования: держава Хунну, тюркский Вечный Эль и, наконец, Монгольская империя Чингисхана.

И здесь пора перевести взгляд с географии Великой степи на ее историю. А история эта не менее интересна и богата событиями, чем история любой из древнейших и крупнейших стран мира.

Если начинать, так сказать, *ab ovo*⁴, то следует сразу отметить, что с точки зрения ландшафтной Великая степь – сравнительно новое образование. Уральские горы стояли и сто миллионов лет назад; миллионы лет напластовывает на Китайскую равнину свои лессовые отложения Хуанхэ, в такую же древность уходят тропические леса Африки и Южной Америки. Великая степь в том виде, в каком она предстает сейчас, сформировалась менее десяти тысяч лет назад. То есть, она – ровесница великой неолитической революции, сверстница первых городов, построенных людьми, в каком-то смысле ровесница самой человеческой цивилизации. Только после окончательного таяния последнего ледника, загораживавшего путь атлантическим циклонам, формируется климат, определивший и границы, и историю Великой степи. К северу от нее, в зоне наиболее интенсивных циклонов, от избытка влаги выросли леса, отделившие ее от своей северной сестры – тундры. Ледниковые озера в центре степи по большей части высохли, создав полосу пустынь, крупнейшая из которых – каменистая Гоби – разделила Монголию на внутреннюю (южную) и внешнюю (северную). К концу третьего тысячелетия до нашей эры степь приобрела современные очертания, и к этому же сроку для нее настало время человечества.

⁴ *ab ovo* – «от яйца» (лат.), т.е. с самого начала.

Нельзя, конечно, сказать, что именно в это время тут появились первые люди. Дети ледника, охотники на мамонтов и длинношерстных носорогов, бродили здесь, когда не было еще и самой степи. На берегах многочисленных благодатных ледниковых озер жили первобытные рыбаки и собиратели. Но... растаял ледник, высохли озера, вымерли мамонты и шерстистые носороги, и Великая степь опустела. Она стала раем для бесчисленных стад травоядных животных, но человеку, по сути, в ней места не было. До тех пор, пока человечество не ответило на вызов природы великим изобретением – номадизмом⁵.

Время появления номадизма как образа жизни, а значит, и время начала настоящего освоения человеком Великой степи – конец третьего тысячелетия до нашей эры. Изобретателями номадизма и первыми номадами были, весьма возможно, знаменитые арии. До сих пор историки ломают копья в спорах о том, где находилась прародина ариев. Данный спор находится далеко за рамками этой книги, но стоит отметить, что наиболее доказательной является точка зрения о происхождении ариев из Северного Причерноморья (западной оконечности Великой степи), то есть с нынешней территории Южной Украины и Южной России. Именно такую локализацию косвенно подтверждает и номадизм ариев. Для других территорий, где историки размещают предполагаемую прародину ариев – Малая Азия, Балканы, Иран – кочевое скотоводство было неактуальным, ибо не являлось необходимым. Для Великой степи же оно было вопросом и нормального выживания (не только физического – у моря худо-бедно можно прокормиться рыбой), и владычества над Степью. Арии нашли адекватный ответ и стали владыками степи, а уже оттуда начали свои беспримерные походы в Индию, Европу, Африку, Иран. Следует отметить, что кочевой образ жизни по крайней мере той части ариев, которые разрушили древнюю цивилизацию в долине Инда⁶, хорошо известен и не вызывает никаких сомнений. Достаточно ознакомиться с индийским эпосом «Махабхарата» и «Рамаяна».

Итак, на рубеже III – II тысячелетий до н.э. первые кочевники-арии двинулись на завоевание Великой степи. Здесь, видимо, стоит отметить, что внедрение кочевого скотоводства не могло не вызвать того, что мы сегодня именуем демографическим взрывом⁷. Став хозяевами степи, арии получили столько земли, а значит и пищи, что в исторически очень краткий срок – двести пятьдесят-триста лет (но это пятнадцать-двадцать поколений, а любой человек, знакомый с математикой, понимает, что такое геометрическая прогрессия) – стали чрезвычайно многочисленным народом. В конце концов им стала мала и степь, и наиболее отчаянные головы двинулись через Гиндукуш в Индию и Иран, через Карпаты в Европу, через Алтай в Восточную степь. «И покорились им и Персия, и Индия» (ну, с Европой и так понятно), но на востоке они столкнулись с неведомым и очень многочисленным народом, остановились «и не пошли они дальше»⁸.

Народом, остановившим экспансию ариев на восток, были вовсе не китайцы (как вы, наверное, подумали) – по той простой причине, что в то время китайская национальная общность только начала формироваться, постепенно включая в свой состав все новые соседние племена, идентичные в расовом отношении. Ариев встретил народ, живший к северу и северо-западу от китайской прародины. Название этого народа в истории не сохранилось

⁵ Номадизм – кочевое или полукочевое скотоводство, при котором скот (а вместе с ним и люди) переходит от пастбища к пастбищу по мере их опустошения.

⁶ Города-государства Мохенджо-Даро и Хараппа.

⁷ Заметим, что уникальность сделанного ариями подчеркивает тот факт, что в абсолютно сходных природных условиях прерий Северной Америки и южноамериканской пампы индейцы не обратились к номадизму, оставшись охотниками и собирателями. Производящее скотоводческое хозяйство кочевого типа не было открыто ими, и потому даже через двести лет после прихода европейцев прерию не населял никто, кроме животных.

⁸ Стоит напомнить, что вопрос об арийском происхождении и дальнейшем распространении номадизма остается спорным, и в данном случае представлена авторская версия решения этой сложной проблемы.

(ученые много спорят об этом, но в таком вопросе сколько людей, столько и мнений), более или менее достоверно только одно: именно этот народ стал прародителем великого народа восточной степи – хуннов.

Протохунны (назовем их так за неимением лучшего) первоначально населяли юго-восточную часть Великой степи, по соседству с древнейшим китайским государством Шан-Инь и находились если не в сфере, то под влиянием его культуры. «Чжоуская революция»⁹ и контакт с пришедшими с запада ариями стали теми двумя событиями, которые предопределили дальнейшую судьбу предков хуннского народа. Чжоусцы были старыми врагами протохуннов, в отличие от шан-иньской монархии, и после захвата власти династией Чжоу давление формирующегося Китая на своих северных соседей резко возросло. И, вероятно, рано или поздно протохунны повторили бы судьбу многих и многих народов, добровольно или не очень вошедших в орбиту *Pax Sinica*¹⁰. Встреча с ариями изменила для протохуннов этот доминантный вектор истории.

Анализ исторических источников и данных археологии позволяет с большой долей вероятности говорить, что контакт ариев с предками хуннов (а в более широком смысле – вообще с народами монголоидной восточно-азиатской расы) не носил враждебного характера. Скорее, произошла этническая и, что очень важно, культурная ассимиляция. Протохунны приобрели многие европеоидные черты, став, по существу, смешанным в расовом отношении народом. Не случайно китайцы считали отличительными признаками хуннов высокие носы – типичная черта европеоидной расы. Но не носы и рыжие волосы стали главным наследством, полученным протохуннами от ариев. Главным было обучение ариями протохуннов принципам кочевого скотоводства. До этого племена, жившие в китайско-степном пограничье, вынуждены были ориентироваться на китайский образ жизни. Протохунны получили нomaдизм, а с ним – власть над степными просторами, а значит, в широком смысле, и подлинную независимость. И когда в начале XII века до н.э. чжоуский император Вэнь-ван обрушился на протохуннов, те не стали сражаться с превосходящими силами противника, а сели в свои кибитки и отправились в далекий путь через мрачную пустыню Гоби на север.

Мы не знаем, насколько тяжелым был для них этот поход – наверное, очень тяжелым – но они его совершили. К концу XII в. до н.э. эти выходцы из Китая покорили уже всю северную часть Восточной степи и стали тем народом, который вошел в мировую историю под именем хунны. Это событие подтверждается археологическими данными, согласно которым, в XII в. до н.э. на юге Сибири появляется совершенно новый тип культуры, однозначно указывающий на ее китайское происхождение. Вместе с китайским стилем здесь складывается и новый расовый тип – монголоидно-европеоидный. Так три народа – арии¹¹, протохунны и южносибирские охотники и собиратели – положили начало тому, что известный китайский историк Сыма Цянь назвал «хуннским царством».

С XII и почти до конца III в. до н.э. история древних хуннов никак не освещена письменными источниками, но это не значит, что ее не было. Вероятно, этот период включает в себя и борьбу за гегемонию в степи, и последующую долгую консолидацию народа. Однако к III в. до н.э. хунны представляли собой внушительную силу, контролируя Великую Степь от Алтая на западе до Большого Хингана на востоке и от Байкала на севере до китайских царств на юге. Правда, держава эта была хотя и большой, но рыхлой. Ею руководили двадцать четыре хуннских родовых старейшины, которые выбирали из своей среды формального верховного главу – шаньюя – не обладавшего, однако, реальной полнотой власти. Нужна была

⁹ Отстранение в Китае от власти династии Шан-Инь и воцарение династии Чжоу.

¹⁰ *Pax Sinica* – «Китайский мир», по аналогии с *Pax Romana* – «Римский мир».

¹¹ К арийской (европеоидной) группе относились хорошо известные археологам динлины, населявшие Прииртышье и Северное Семиречье.

личность, способная объединить аморфную недоимперию. И в конце III в. до н.э. такой человек появился. Это был старший (и нелюбимый) сын шаньюя¹² Тумань – Модэ.

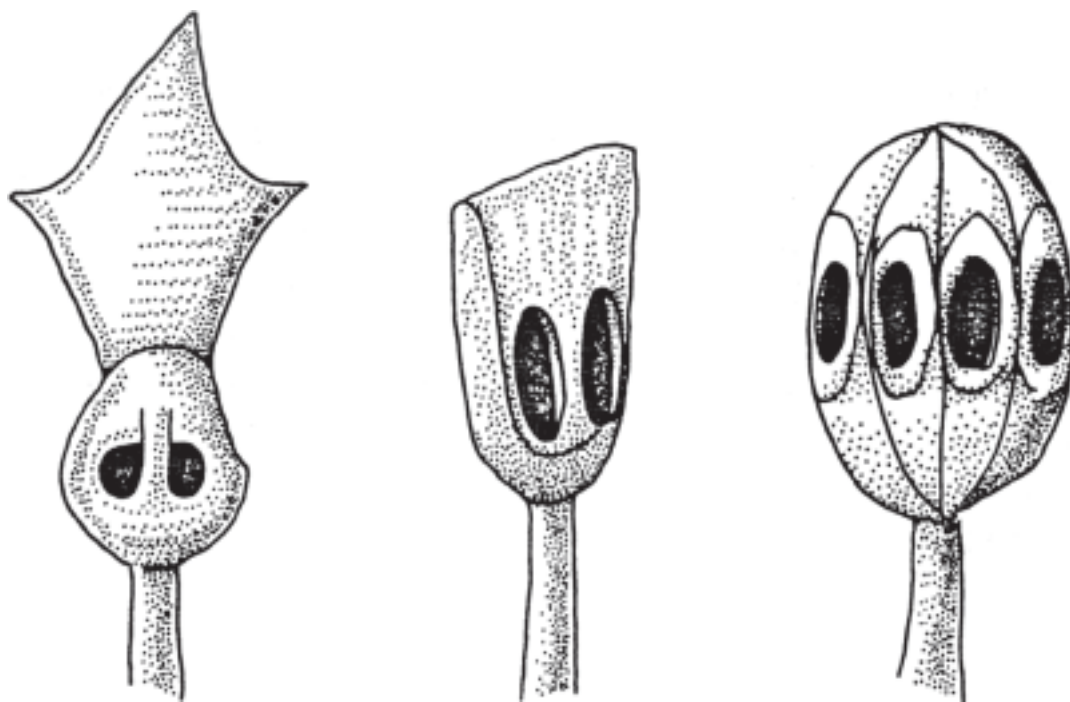
Фигура Модэ настолько значительна и своеобразна, что заслуживает подробного описания. Не случайно некоторые историки называют его «Чингисханом древности». И для такого определения действительно есть основания. Модэ во многом схож с великим монголом. Он создал великую державу, просуществовавшую около трехсот лет, установил жесткий порядок в общественной и политической жизни, провел крупнейшие реформы, добился огромных успехов на военном поприще. И, что особенно важно в рамках нашей книги, установления Модэ (по крайней мере, многие из них) на тысячелетия пережили своего создателя, легли в основу социальных отношений в Великой степи и вплоть до Чингисхана во многом определяли всю систему жизненных ценностей в этом регионе мира. То, что было сделано Модэ в Великой степи, по своему размаху и последствиям превосходит деяния Юлия Цезаря или Карла Великого. Но имена этих европейцев известны каждому, Модэ же остался незаслуженно забытым. Попробуем восполнить этот пробел.

Модэ появился на арене истории в тот момент, когда хунны переживали далеко не лучший период в своей истории. Центральная власть в лице выборного шаньюя была почти номинальной, всем заправляли родовые старейшины. К тому же во второй половине III в. до н.э. для хуннов резко ухудшилась внешнеполитическая обстановка. В Китае в это время заканчивалась эпоха Борющихся царств, и в 221 г. до н.э. Ин Чжэн, правитель княжества Цинь, разгромив всех своих соперников, провозгласил себя первым императором объединенного Китая – Цинь Ши-хуанди. В 214 г. до н.э. войска Цинь нанесли тяжелое поражение хуннам и захватили их южные области. Шаньюй Тумань, не проявивший себя ни как политик, ни как полководец, в панике бежал на север в Халху. Гегемония хуннов в степи сразу же рухнула, и началось брожение среди народов степи, входивших до этого в сферу хуннского влияния. На западе резко активизировались юэчжи – потомки ариев, чрезвычайно воинственный народ, столетием позже создавший могучую Кушанскую державу¹³. На востоке племена дунху – предки монголов – воспользовались ситуацией и напали на хуннов. Тумань не смог оказать сопротивления и стал платить позорную для хуннов дань. Своего старшего сына Модэ он отправил заложником к юэчжам – возможно, для того, чтобы как-то обезопасить себя от удара с запада, но скорее затем, чтобы просто избавиться от нелюбимого отпрыска. Тумань не скрывал, что предпочитает младшего сына, которому он и планировал передать пост шаньюя после своей смерти.

Дальнейшие события подтвердили, что заложничество Модэ было именно хитрой уловкой шаньюя, стремившегося избавиться от своего слишком честолюбивого и талантливого сына. Вскоре Тумань, совершенно не заботясь о его безопасности, а может быть и желая его смерти, совершает нападение на юэчжей. Однако Модэ обманул свою стражу, похитил у юэчжей коня и, вырвавшись из плена, вернулся к отцу. Он, несомненно, знал об отцовском предательстве, но ход Модэ оказался оправдан. Под давлением общественного мнения степняков, восхищенных удалью смельчака, Тумань не только побоялся расправиться с сыном, но и дал ему в управление тумен (тюмень), то есть десять тысяч воинов. Модэ прекрасно понимал, что, пока жив отец, ему самому всегда угрожает опасность. И, недолго думая, начал готовить ответный удар.

¹² Сыма Цянь, китайский историк, переводит этот титул как «величайший». Но до Модэ более верным был бы перевод «высший в совете», т.е. в совете старейшин хуннских родов.

¹³ Современные историки определили, что китайское название «юэчжи» соответствует арийскому племени кушан, которое во II в. до н.э. разгромило Греко-Бактрийское царство, а к I в. н.э. создало могущественную Кушанскую державу – одну из четырех великих империй того времени (остальные – Рим, Парфия и Ханьский Китай).

Свистящие наконечники стрел

Он стал обучать свою конницу по-особому: приказал всем пускать стрелы вслед за его специальной свистящей стрелой. Невыполнение этого приказа каралось смертью. Когда Модэ добился его четкого исполнения, он, чтобы укрепить дисциплину воинов, выпустил свистящую стрелу в своего любимого аргамака. Тем, кто пожалел великолепного коня и не выстрелил, он велел отрубить голову. Вскоре Модэ направил свистящую стрелу в свою красавицу-жену; многие в ужасе опустили луки и тоже были безжалостно казнены. Затем он пустил стрелу в коня своего отца. Теперь уклонившихся уже не было. И тогда, во время совместной охоты с шаньюем, Модэ пускает свистящую стрелу в своего отца. Ежика видели? Занавес опускается, Модэ становится шаньюем.

Воспользовавшись общим замешательством, новоиспеченный шаньюй расправляется с братом-конкурентом, мачехой и теми старейшинами, которые попытались противиться перевороту (тоже, видимо, не без помощи свистящей стрелы). Остальные смирились – кто-то из страха, а кто-то из искреннего восхищения хитростью и решительностью Модэ.

Хунны простили новому шаньюю тяжкий грех отце-и братоубийства в том числе и потому, что многие из них понимали, что в это тяжелое время, когда встал вопрос о самом существовании народа, только такой смелый, жестокий и волевой человек имеет шансы на успех в борьбе с ополчившимся на хуннов множеством врагов. И Модэ оправдал их надежды.

В том же 209 г. до н.э. дунху решили воспользоваться междоусобицей среди хуннов и потребовали не только дани, но и передачи им части хуннских земель. Многие старейшины хуннов, страшась мощи восточных соседей, советовали откупиться. Модэ не стал протестовать против тяжелой дани (между прочим, осмелевшие дунху потребовали даже любимую жену шаньюя), но по земельному вопросу занял непримиримую позицию. – «Земля есть основание государства, как можно отдавать ее?» – резко высказался он и отрубил головы всем трусливым советчикам. После этого он двинулся в поход на дунху и наголову разгромил их так, что те в страхе бежали кто куда и с тех пор никогда уже не составляли единого народа, разделившись на три племени: ухуань, сяньби и тоба. Затем, не распуская армию, Модэ отправился далеко на запад и нанес поражение не ожидавшим нападения юэцжам.

Они, впрочем, с этим не смирились, и война юэчжей и хуннов превратилась в затяжную, завершившись окончательной победой хуннов уже при сыне Модэ.

Как бы то ни было, Модэ снова удалось объединить всю восточную часть Великой степи под властью хуннов. И перед шаньюем во весь рост встала проблема – объединенный Китай. Модэ сумел разрешить ее с блеском. Следует, правда, признать, что в этом ему сильно помогла нестабильная ситуация в самом Китае, только что пережившем весьма разрушительную и кровопролитную гражданскую войну, закончившуюся падением Цинь и воцарением новой династии – Хань. Тем не менее, это не умаляет заслуги Модэ, одержавшего победу над государством, население которого раз в пятьдесят превышало население Хуннской державы. Модэ прекрасно понимал, что его сравнительно небольшое войско не сможет справиться в открытом бою с гигантской китайской армией, и подстроил неприятелю ловушку. Он применил известную всем кочевникам тактику ложного отступления. Император Гао-цзу с лучшими частями своей армии бросился вдогонку и около города Пинчен попал в засаду со своим авангардом. Хунны окружили эту сравнительно небольшую китайскую армию. Семь дней голода, холода (дело было зимой) и невероятных лишений сделали китайского императора сговорчивым, несмотря на то, что из Китая ему на выручку двигалась трехсоттысячное войско. В обмен на свободу для себя и своих воинов Гао-цзу согласился заключить так называемый «договор мира и родства». Этот договор устанавливал равенство Домов Хань и Хунну (беспрецедентное для китайцев), Модэ получал в жены китайскую принцессу, а император Китая обязался ежегодно посылать шаньюю подарки как своему родственнику (замаскированная дань).

Требования Модэ были довольно умеренными: он, видимо, хорошо понимал, что излишнее унижение врага сделает неизбежным его стремление к реваншу. А новая война с Китаем в тот момент, когда на западе в схватках с воинственными юэчжами решалось, кому быть хозяином Великой степи, была мудрому шаньюю не нужна. И на границах Китая и Степи до поры до времени воцарился мир. Это позволило Модэ заняться внутренним устройством державы Хунну.

Реформы и установления Модэ весьма многочисленны, но для нас интересны главным образом те, которые надолго пережили своего создателя и определили образ жизни степного общества на тысячелетие вперед. Важнейшей заслугой Модэ было четкое структурирование хуннской державы. Он не отказался (да и вряд ли мог) от исконного родового строя хуннов, но поставил его в такие рамки, что тот стал работать не на ослабление, а на усиление государства. Родовые старейшины сохраняли свою власть в роду, но теперь они становились не выборными руководителями, а наследственными родовыми вождями. Фактически Модэ создал родовую аристократию, что не могло не понравиться новоиспеченным вождям. Но взамен шаньюй потребовал от родовых лидеров подчинения высшей «номенклатуре», которую он создал из своих родственников. Все высшие посты в государстве теперь могли занимать только члены его рода; они получали пышные титулы со сложной иерархией и составляли верховную аристократию. Однако для прочности необходимо иметь минимум три точки опоры, и Модэ ввел третью, несемейную и неродовую ступень аристократии. Это были так называемые «гудухэу», что можно перевести как «помощники», – в состав которых вошли лучшие воины и офицеры его армии. Они создали «аристократию таланта» – служилую знать, главную опору престола. Звание гудухэу тоже было потомственным, но за особые заслуги шаньюй мог наградить им любого простого воина. Это давало шанс наиболее ярким, но неродовитым личностям попасть в верхние слои общества и тем стимулировало верную службу и доблесть.

Трехзвенная аристократическая система, несмотря на все присущие ей противоречия, оказалась достаточно прочной и не позволяла ни одной из групп завладеть всей полнотой власти – даже шаньюй был далеко не всемогущ: он был вынужден учитывать интересы всех

трех привилегированных сословий. Что касается основной массы населения, то здесь Модэ нашел достаточно простое и элегантное решение, впоследствии, заметим, принятое и развитое Чингисханом. Согласно указу Модэ, все мужчины боеспособного возраста объявлялись воинами и делились на десятки, сотни и тысячи. Родовой характер общества не изменялся, но на войне приказ командира имел приоритет перед указанием родового лидера. Другое дело, что главные родовые вожди и были начальниками крупнейших войсковых соединений – туменов (формально – десять тысяч воинов, но это соблюдалось далеко не всегда, а находилось в зависимости от силы рода).

В повседневной жизни хуннов реформы Модэ сами по себе мало что изменили. Скорее, изменилось восприятие традиций. То, что раньше выполнялось по установившемуся обычаю и не было строго обязательным, теперь освящалось авторитетом шаньюя и фактически становилось равносильным закону. Например, после смерти отца хунн брал в жены всех вдов (кроме матери). То же было в случае смерти брата. Китайцы считали этот обычай ужасающим; между тем, он полностью вписывается в рамки родовых отношений, а главное, спасает женщин, потерявших кормильца, от голодной смерти или нищенства. Так что о том, плох или хорош этот обычай, можно с китайцами и поспорить.

И нововведения Модэ, и укрепление им родовых обычаев так консолидировали державу Хунну, что она на долгие годы превратилась в мощнейшее государственное образование. Это позволило ей триста лет сопротивляться китайской экспансии. В 177 г. до н.э., еще при жизни Модэ, хунны нанесли тяжелое поражение юэчжам и стали гегемонами Великой степи. В 174 г. до н.э. великий шаньюй Модэ скончался, но созданное им государство продолжало существовать и даже усиливаться, хотя преемники Модэ отнюдь не обладали талантами своего предка.

Дальнейшая история державы Хунну в основном насыщена то затухающей, то вспыхивающей вновь войной с Китаем. Достойным преемником отца оказался сын Модэ, Лаошань-шаньюй, окончательно изгнавший юэчжей и нанеший ряд тяжелых поражений китайским войскам. При внуке Модэ – Гюнчень-шаньюе – держава Хунну достигла наивысшего расцвета. После серьезных поражений Китай пошел на беспрецедентные уступки хуннам. По договору 152 г. до н.э. шаньюю в жены вновь отдали китайскую принцессу, а главное, китайцы были вынуждены согласиться на открытие пограничных рынков для свободного обмена товарами, что было крайне невыгодно для Китая и в экономическом, и в военнополитическом отношении (фактически, Китай соглашался кормить своих врагов). 152 г. до н.э. стал кульминацией могущества державы, созданной Модэ.

Положение стало постепенно меняться после 140 г. до н.э., когда китайским императором стал решительный и энергичный У-ди. Он совершил в хуннскую степь целый ряд походов, которые, хотя и не обеспечили Китаю решительного перевеса, все же ослабили хуннскую угрозу. Держава хуннов и при воинственном У-ди ни в чем не уступала Китаю, но злую шутку сыграло с хуннами то, что они считали своим главным достижением – свободные рынки. В степь хлынул огромный поток китайских товаров и... в среде хуннов наметился раскол. Стремление к китайским богатствам, достававшимся к тому же без большого напряжения сил, связанного с боевыми действиями, привело к созданию в среде хуннской аристократии китаефильской партии. Обаяние китайской культуры вообще трудно переоценить, а для многих хуннов, особенно из числа высших аристократов, оно стало неодолимым. Китаефилам противостояла военная, или «старохуннская» партия. Раскол хуннского общества шел довольно медленно, но Китай мог позволить себе ждать, по мере возможности всячески способствуя усилению этого раскола. И долготерпеливые китайцы дождались своего часа. В 46 г. н.э. в державе Хунну вспыхнула гражданская война, а в 48 г. страна окончательно раскололась на Южное и Северное Хунну, каждое во главе с собственным шаньюем. В Южном одержала победу китаефильская партия, а Северное Хунну свято хранило степные традиции.

При этом оба государства оставались непримиримыми врагами, что только облегчало Китаю путь к окончательной победе. Развязка для Северного Хунну наступила в 93 г., когда его последний шаньюй был захвачен китайцами и убит. Южные шаньюи еще пытались сопротивляться, но они не имели опоры, ибо старохуннская партия была уничтожена. К тому же в это время значительно усилились старые враги хуннов – протомонгольские племена сяньби, которые постепенно овладели территорией северных хуннов, оттеснив их на запад. Оказавшись во враждебном окружении, Южное Хунну было обречено на гибель. В 142 г. китайцы принудили к самоубийству последнего шаньюя из дома Модэ и посадили вместо него своего ставленника – хунна, но не царского рода. Но и эта видимость независимости сохранялась не слишком долго. В 215 г. китайцы и формально упразднили пост шаньюя Южного Хунну и назначили своего наместника. Держава хуннов окончательно перестала существовать.

Медленное угасание хуннской империи не могло не активизировать действия других претендентов на гегемонию в Великой степи. На западе старинные враги юэчжи, опираясь на мощь созданной ими Кушанской державы, предприняли попытку вернуть свои прежние земли. Попытка эта не увенчалась успехом по двум причинам. Во-первых, за прошедшие столетия бывшие юэчжи, а ныне кушаны растеряли навыки степной войны, поскольку в горах и речных долинах, где в итоге и создали кушаны свою империю, степная тактика была просто неэффективна. Во-вторых, их империя была слишком громоздкой, и ее населяли люди не просто говорящие на разных языках, но и с абсолютно разной культурой и идеологией (например, индийцы и греки). Основные силы кушан направлялись на подавление центробежных тенденций в их лоскутном государстве, и потому внешняя экспансия успеха не имела.

На востоке все было по-другому. Здесь жило множество племен, готовых подхватить эстафетную палочку лидерства у агонизирующей хуннской державы. Все они были номадами, и законы степной войны были им не в новинку. Но недоставало организованности, дисциплинированности и упорства. Требовался лидер, способный обуздать лихую степную вольницу. В 155 г. такой лидер появился. Им стал Таншихай, происходивший из племени сяньби.

Как уже упоминалось выше, сяньбийцы были народом, который можно назвать протомонгольским. Но это утверждение требует серьезной оговорки. Дело в том, что в тот период, да и значительно позднее, этническое размежевание в Великой степи было в достаточной мере условным. Так, большинство историков считает хуннов прародителями тюрков, поскольку большинство дошедших до нас хуннских слов имеет соответствующие аналоги в тюркских языках. Но от хуннов сохранилось немало слов и с монгольскими корнями. К тому же, сами монгольский и тюркский языки происходят из одной – алтайской языковой группы, то есть имеют общего предка. Даже во времена Чингисхана тюрки и монголы вполне понимали друг друга (как, скажем, сегодня русские и украинцы), а за тысячу лет до этого расхождение двух главных степных языков было еще меньшим. К тому же надо еще учитывать особенности степного этногенеза¹⁴. Великая степь, в силу специфики господствующего в ней кочевого образа жизни, всегда была настоящей мешаниной народов. Племена и отдельные роды постоянно перемещались, переходили из одного подчинения в другое, воспринимали от соседей элементы их культуры и языка, часто полностью ассимилировались. В таких условиях точно определить этническую принадлежность народа, племени, рода достаточно сложно, а иногда и практически невозможно.

Однако вернемся к Тансихаю – сяньбийскому вождю. Фигура чрезвычайно яркая, выдающийся полководец, историкам он больше известен тем, что, при всех его талантах и

¹⁴ Этногенез (от греч. «рождение народа») включает в себя как начальные этапы возникновения какого-либо народа, так и дальнейшее формирование его этнического самосознания.

огромных внешнеполитических успехах, место его в истории сравнительно невелико. Его гений ближе к гению Тамерлана, нежели Чингисхана. Он – типичный завоеватель, «создатель империй», но не политик. За четверть века почти непрерывных походов он создал гигантскую державу, по размерам и силе не уступавшую империи Хунну времен ее первых, великих шаньюев. При этом особенно удивительно, что свой первый поход Таншихай совершил, когда ему было, по данным китайских историков, всего четырнадцать лет. Он был поистине военным вождем: даже отказался принять какие-либо титулы, оставаясь просто Тансихаем. Но его личная власть была почти безграничной. Когда напуганные его могуществом китайцы предложили ему «договор мира и родства» (как до этого Модэ), сяньбийский вождь с презрением отверг это предложение, сказав, что ему и так подчиняются все народы. Однако, когда в 181 г. на сороковом году жизни Таншихай умер, быстро выяснилось, что вся мощь его державы покоилась на личных талантах вождя. Его преемники не смогли удержать власть, и к началу III в. созданная им империя окончательно развалилась.

Стоит все же добавить, что одно следствие походов Тансихая оставило, пусть и опосредованно, след в истории, да еще какой! Дело в том, что именно Тансихай окончательно разгромил северных хуннов и вынудил их бежать далеко на запад, подальше от его победоносных войск. Более двухсот лет эти беглецы скитались в степях между Волгой и Уралом, покоряя местное население и смешиваясь с ним. Они почти утратили подлинно хуннскую культуру, забыли великие достижения предков, даже изменились внешне. Тяжелые военные поражения и вынужденная двухсотлетняя эмиграция упростили их жизнь и поведенческие стереотипы. В них было бы почти невозможно узнать хуннов Модэ и Лаошаня. Но имя свое они сохранили. И во второй половине IV в. это имя, пусть и в немного измененном варианте, узнала и со страхом повторяла вся Европа – *гунны*.

Гуннские завоевания и связанное с ними Великое переселение народов, имевшее колоссальные последствия для истории Европы, да и всего мира, далеко выходят за рамки этой книги, и мы не будем на них останавливаться. Вернемся в оставленную нами ненадолго Великую степь, которая в этот период переживала эпоху безвременья, или выражаясь по-европейски, свои Темные века.

По мнению ряда историков – в частности, знаменитого Л.Н.Гумилева – эти темные времена в Великой степи связаны с серьезными климатическими изменениями, вызвавшими пересыхание степи и, как следствие, массовую гибель людей от голода либо их бегство на окраины, где засуха была не так сильна. Степные народы в это время слабели и, сосредоточившись на проблеме выживания, уже не могли оказывать влияния на соседей. Отсюда и века «молчания» (повторившиеся, и по тем же причинам, в X и XVI веках), так как только у оседлых народов существовала письменность (до изобретения в IX веке уйгурского письма). Археология также мало чем может быть полезна: кожа, войлок, дерево – главные материалы кочевников – недолго сохраняются в земле. Домов кочевники не строят, городов – центров производства и торговли – у них не имеется. Поэтому молчание источников создает впечатление, что в такие периоды степные народы куда-то исчезают. Разумеется, это вовсе не так, ибо проходит время, засуха заканчивается, и удивленные китайцы, согдийцы, иранцы вдруг обнаруживают у своих границ многотысячные армии кочевников, взявшихся как бы ниоткуда. Но ничто не возникает из ничего, а значит, жизнь в степи продолжается и в эти тяжелые времена.

То, что III – IV века были действительно тяжелыми, достаточно убедительно доказывает тот факт, что в этот период контроль над Великой степью не оказался в руках какого-либо народа или державы. Первую скрипку в степи в эту эпоху играла орда¹⁵ жужаней – уди-

¹⁵ Орда – чисто военная организация у кочевых народов, в противовес обычным родоплеменным, группирующаяся вокруг удачливого вождя. Более подробно о принципах организации орды будет рассказано в последующих главах.

вительное военно-бандитское образование из деклассированных элементов, изгоев и ярких личностей родом из самых разных племен. Жужани, несмотря на всю их силу, не были народом в настоящем смысле этого слова. Они, конечно, подчинялись все тому же кочевому ритму жизни, имели жен и детей, но по смыслу своего существования больше приближались к наемникам и бандитам. И эта орда до середины VI века держала в страхе всю степь, а иногда даже угрожала Китаю, который, впрочем, в это время как раз распался на несколько постоянно воюющих друг с другом царств.

Время господства жужаней закончилось в 552 году, когда хан никому не известного народа тюрков¹⁶, Бумынь из рода Ашина, ворвался с войском в расположение жужаньской орды и разгромил ее наголову. Сам он не успел воспользоваться плодами этой победы, так как вскоре умер (возможно, от ран), но его брат Истеми и сын Мугань сумели выжать из разгрома жужаней больше, чем можно было предположить. Фактически поделив между собой полномочия и войско, они направились в разные стороны утверждать только что отвоеванную у жужаней власть: Истеми на запад, а Мугань – на восток. Оба они провозгласили себя ханами, но Истеми, чтобы не нарушать единства только создаваемой державы и из уважения к погибшему брату, согласился признать формальное первенство Муганя.

Следующие тридцать лет были исключительно удачными для тюрков. Подвиги Истеми и Муганя и их преемников Кара Чурина Тюрка (сын Истеми) и Тобо (брат Муганя) затмили даже славу и достижения великих хуннских полководцев. Истеми, пройдя огнем и мечом почти всю западную половину степи, похода разгромил мощную державу эфталитов (их иногда называют «белыми гуннами», хотя они скорее наследники кушан-юэчжей) и нанес поражение иранскому шаху Хосрою, заключив с ним чрезвычайно почетный для себя мир. Затем он перешел через Волгу, где столкнулся с аварами, победил их и тем самым стал владыкой всей западной половины Великой степи. Кара Чурина Тюрка уже после смерти отца захватил Боспор, а затем и весь Крым, и в 580 году вторгся в Лазику (Западная Грузия), угрожая уже и Византийской империи. На востоке Мугань, а позже Тобо, идя от победы к победе, покорили большинство степных племен, а к 580 году сделали своими данниками два северокитайских царства. Это был пик тюркского могущества. Свое гигантское государство, простиравшееся от Черного моря до Тихого океана, тюрки называли Вечный Эль, как бы утверждая этим свою власть на вечные времена. Но уже в следующем 581 году великая тюркская мечта начала рушиться.

В этом году умирает верховный правитель тюрков Тобо-каган, и в Вечном Эле вспыхивает яростная борьба за власть, которую, из-за ее масштаба и последствий, лучше назвать гражданской войной. Причиной междоусобицы, а заодно и топливом, которое постоянно ее подпитывало, стала установленная еще Бумынем удельно-лестничная система власти и наследования – кстати, подобная той, которая позже была введена на Руси (в XI – XIII вв.), и, по большому счету, Русь и погубила. Согласно этой системе, наследование передавалось не сыну, – то есть прямому наследнику – а старшему в роду. Остальные близкие родственники получали в пользование удел – часть державы вместе с людьми и войском. А в 581 году таких почти независимых уделов в тюркском государстве было уже восемь. В этой ситуации борьба за власть становилась почти неизбежной, и близкородственные связи удельных князей вряд ли могли ей помешать. Так и случилось.

Формально старшим в роду являлся Кара Чурина Тюрк – сын Истеми. Но его отец не был даже верховным каганом, и сыновья умерших верховных вождей – Муганя и Тобо – оспорили право Кара Чурина Тюрка на престол. Тот не мог сопротивляться объединившимся против него племянникам и временно смирился с поражением. Но победители немедленно

¹⁶ Не путать с современным пониманием слова «тюрк», относящимся скорее к языковому признаку, объединяющему самые разные народы, в том числе и совсем не степные.

передрались между собой. Вряд ли стоит описывать перипетии этой борьбы, но итогом ее стал окончательный раскол каганата в 604 году на Западный и Восточный.

Голова Кюль-Тегина. VIII в.

Увлеченные междоусобной борьбой, тюркские каганы допустили еще одну, как выяснилось, роковую ошибку: проглядели, что на их южной границе в крови и войнах встает на ноги колосс – объединенный Китай. В начале VII века после продолжительной борьбы к власти во всем Китае пришла династия Тан. Немаловажным оказалось и то, что новая династия не была собственно китайской, а происходила от окитаившейся ветви протомонгольского племени тоба – теперь они назывались табгачи. Многие степные народы, особенно те, кому поперек горла встала тюркская власть, с удовольствием приняли табгачских императоров в качестве степных ханов. Этому способствовала и политика дальновидного танского императора Ли Ши-миня, стремившегося привлечь степные племена на свою сторону и даже больше – создать симбиоз китайской и степной цивилизации. Таким образом, империя Тан стремительно набирала силу, а оба тюркских каганата все больше слабели. Конец мог быть только один, и уже в 630 году танские войска наголову разбили Восточный каганат, а его территория была присоединена к Китаю. В 659 году настала очередь Западного каганата. Казалось, для тюрков все было потеряно. Но неожиданно ситуация изменилась.

В самом Китае к власти пришли ярые националисты. Заветы Ли Ши-миня были забыты, запрещено было даже употреблять слово «табгач». Многие табгачские принцы были казнены, и степные племена подверглись насильственному окитаиванию. И тогда тюрки восстали. В 682 году их предводитель Кутлуг одержал победу и провозгласил восстановление тюркского каганата. Конечно, сила у восстановленного каганата была далеко уже не та,

но благодаря доблести своих вождей (среди которых особенно выделялся полководческим талантом сын Кутлуга Кюль-Тегин) он успешно боролся с могучим Китаем еще более полувека. Но силы были слишком неравными; к тому же Китай, верный своей политике «разделяй и властвуй», натравливал на тюрок другие степные народы. Кроме того, после смерти в 739 году внука Кутлуга – Иолыг-Тегина, талантливого и мудрого правителя, каганат снова захлестнули распри. И в 742 году наступило время окончательной развязки для Вечного Эля. Уйгуры, недовольные тюркской властью в степи, восстали и после трехлетней войны одержали победу. Остатки тюрок вынуждены были бежать в столь ненавистный им Китай, где последние из них сложили голову, участвуя в восстании Ань Лу-шаня. Великий тюркский народ перестал существовать, а на ближайшие сто с лишним лет гегемония в степи перешла к уйгурам.

Уйгурский каганат был лишь бледной тенью великих степных держав прошлого – Вечного Эля тюрок и империи Хунну. Он продержался сравнительно долго лишь потому, что в это время ослабел Китай, так и не оправившийся от восстания Ань Лу-шаня. Но в конце концов Уйгурский каганат пал под ударами китайцев и их несколько невольных союзников – енисейских кыргызов. В степи начался новый Темный век, и лишь в XI веке степь вновь воспряла ото сна. Но с этого времени уже начинается новая эпоха – эпоха киданей, чжурчженей и, наконец, монголов, а значит – пора обратиться и к главным героям нашей книги.

Глава 2

Монголы и их соседи

В XI – XII веках, перед эпохой Чингисхана, восточная часть Великой степи представляла собой сложный конгломерат народов. Разобраться в этом смешении национальностей, племен и родов чрезвычайно трудно, в ряде случаев – невозможно. Причин тут несколько. Главная, бесспорно, коренится в самой сущности кочевничества. Постоянные перемещения по степи, смена перекочевков, разделение отдельных родов или переход их под чужую «юрисдикцию» – суть кочевой жизни. Хотя существовали, конечно, и четкие границы кочевий, но, вследствие роста населения, давления со стороны соседей, наконец, стремления части родовой знати (точнее, их наследников) выделиться в отдельные неподконтрольные группы¹⁷, этническая ситуация в степи постоянно менялась.

Вторая причина ранее уже упоминалась: это языковой фактор. К XII веку языки народов так называемой алтайской языковой семьи еще не слишком отличались друг от друга. Сегодня лингвисты четко делят алтайскую семью на три группы: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую – и действительно, современный монгол не поймет якута. Тогда же тюрки и монголы прекрасно понимали друг друга, что значительно облегчало взаимовлияние, а зачастую и полное смешение. Мог победить тот или иной языковой элемент – и изначально тюркский род становился монгольским, или наоборот. Так, например, произошло с монгольским по происхождению родом Ашина, из которого происходили ханы Тюркского каганата. После длительной откочевки, вызванной, по-видимому, военным поражением, этот род оказался в тюркоязычной среде, и через сто лет о его монгольском происхождении говорило уже только родовое название.

Наконец, нужно выделить и третью причину этнических переплетений. Это чрезвычайная запутанность родоплеменных отношений у тюрко-монгольских народов Великой степи¹⁸. И это при том, что монголы придавали исключительное значение своей родословной. По сведениям Рашид-ад Дина, каждый монгол с юных лет тщательно изучал свое родословие, и не было ни одного человека, который не знал бы своего племени и происхождения. Вот только племен и родов было чрезвычайно много, к тому же они непрерывно разделялись, перекочевывали и снова разделялись. И действительно, каждый степняк мог перечислить своих предков по крайней мере до седьмого колена¹⁹, четко определить свое племя (ирген) и род (обок), но... племя могло включать несколько родов в одном случае и быть лишь малой частью рода в другом. Плюс к этому, такая четкая детализация не способствовала осознанию общетнического единства. И были джуркинцы, хонгираты, тайджиуты, джалаиры – но не монголы. В этой ситуации отнюдь не нелепым выглядит парадоксальный вопрос: а был ли монголом Темучин из рода Кият-Борджигин?

И действительно, вопрос о происхождении термина «монгол», а в более широком смысле – проблемы идентификации (и самоидентификации) народа с таким именем совре-

¹⁷ Классический вариант примерно таков: у главы рода – два сына-наследника. Младший по тем или иным причинам не желает подчиняться старшему (или наоборот: четких правил наследования у степных народов, как правило, не имелось). Он собирает всех недовольных или ищущих лучшей жизни и уходит куда глаза глядят со своими людьми и скотом. Способов удержать вольного кочевника практически нет, а степь велика – откочевывай хоть на тысячи километров. И эта группа движется по степи, пока не находит либо незанятые земли, либо дружелюбный род, готовый их принять, либо более слабую группу, которую можно подчинить или вытеснить еще дальше.

¹⁸ Родоплеменные отношения у монголов будут подробно рассмотрены в главе 3.

¹⁹ Удивительный факт, подтверждающий важность генеалогии для монголов: для каждого из семи поколений прямых предков по мужской линии имелось собственное оригинальное название. У русских же их всего два: отец и дед, а у англичан фактически одно, остальные – производные от него.

менными историками все еще не решен. Более того, как правило, от него стараются дистанцироваться или не рассматривают вовсе, хотя для правильного понимания феномена империи Чингисхана он представляется весьма немаловажным.

Монгол. Персидский рисунок XIV в.

Следует помнить, что первое *точное* упоминание слова «монгол» относится к 1206 году, когда на великом курултае сам Чингисхан, объединивший Восточную степь, провозгласил создание «Yeke Monghol Ulus» – Великой Державы Монголов. Отсюда некоторые монголоведы делают допущение, что само понятие «монгол», до этого не существовавшее вообще, было введено Чингисханом как единое название для народов объединенной им степи. Другие вполне резонно возражают, что и в куда более поздние времена часть этих объединенных племен в число монголов не входила, и считают, что к «монголам» Чингисхана относилась лишь та часть населения, которая была связана общим родословным древом, и которую впервые объединил прадед Чингисхана Хабул-хан, а следовательно, формирование понятия

«монгол» относится к сороковым годам XII века²⁰. Третьи отстаивают версию языкового единства: монголы – это те, кто говорит по-монгольски (о недостатках этой версии выше уже говорилось). Четвертые отстаивают генеалогический принцип и предполагают, что монголами считались все потомки Алан-Гоа – праматери монгольских родов (вариант этой версии – потомки Бодончара, одного из сыновей Алан-Гоа). Наконец, пятая версия опирается на упоминание в китайских летописях VI века (то есть задолго до Алан-Гоа, жившей в IX или X веке) названия племени Мэн-гу (Мэнку), входившего в группу из тридцати племен народа шивэй. От них, дескать, потом и пошла та группа родов, которая называла себя единым именем – монголы.

Во всех этих основных версиях (а есть и другие – более экстравагантные), безусловно, присутствует здоровое зерно. В то же время, каждая из них в отдельности не лишена недостатков и может быть подвергнута серьезной критике. Выходом из этой ситуации является, по-видимому, синтез этих теорий и построение на их базе непротиворечивой версии. В этом поможет и тщательный анализ текста «Сокровенного Сказания» в сочетании с данными других источников – главным образом, Рашид ад-Дина.

В первую очередь, следует отметить, что сам Рашид ад-Дин не считал монголов отдельным народом, но относил их лишь к одной из групп общей массы тюркских племен. Эти племена, по его мнению, населяли всю Великую степь от края до края (видимо, память о Великом тюркском каганате VI века). Постепенно эти племена делились на многочисленные роды, каждый из которых получал свое имя. Так же появились и монголы – суть ветвь тюркского народа. Настоящими монголами сам Рашид ад-Дин называет народ нирун, ко времени Чингисхана включавший уже десятки, если не сотни родов и племен. Эти «истинные» монголы-нирун все являются потомками Алан-Гоа. Но он выделяет и другую группу монголов – дарлекин, из которых, вообще говоря, происходила и сама Алан-Гоа. Дарлекины – как бы не совсем монголы: их родословная уходит дальше в глубь веков.²¹

Вот здесь и стоит заглянуть в начало «Сокровенного Сказания», которое называет первым предком Чингисхана некоего Борте-Чино; его супругой была Гоа-Марал. Эти двое явились неизвестно откуда, переплыв какое-то море (возможно, имеется в виду озеро Байкал) и стали кочевать у реки Онон. Далее «Сокровенное Сказание» перечисляет длинный ряд их потомков вплоть до Добун-Мергена, мужа Алан-Гоа. Но вот что любопытно: если попытаться вычислить даты жизни Борте-Чино и Гоа-Марал, исходя из счета поколений (разумеется, погрешность может быть достаточно велика), то весьма вероятным окажется их появление на Ононе именно в VI веке, то есть как раз тогда, когда в китайских летописях появляется этноним «мэн-гу». Значит, пришедшие невесть откуда первопредки Чингисхана, возможно, и называли себя монголами. В целом же, с учетом всего вышеперечисленного, авторская версия такова.

Около VI века на территории, занимаемой племенами шивэй, появилась группа людей из неизвестного народа (едва ли их было только двое). Они называли себя монголами или близким по звучанию словом. Путем переговоров, а может быть, и силой они отвоевали себе место под солнцем на берегах Онона и вошли в союз шивэйских племен на правах рода с названием «монгол». В дальнейшем при разрастании и дроблении рода самоназвание «монголы» как таковое исчезло (в более поздней истории примеров подобного развития событий немало), но в памяти последующих поколений сохранилось единство их происхождения. Таким образом, само слово «монгол» фактически не применялось в названии племен и родов, но имело некую историческую, генеалогическую ценность. И представляется

²⁰ Род самого Хабул-хана именовался кият. Впоследствии все потомки Хабула, выделившиеся в отдельные роды, к названию своего «обока» присоединяли слово «кият»: кият-джуркин, кият-борджигин, кият-куралас. Но не исключено, что обок Хабул-хана мог называться и «кият-монгол».

²¹ Родословную Чингисхана и ряда монгольских родов см. в «Приложениях» к данной книге.

возможным (хотя и сомнительным), что Хабул-хан, впервые объединивший значительную часть потомков Борте-Чино, первым назвал это объединение монгольским. Однако кажется более вероятным, что именно Чингисхан, который объединил действительно *всех* потомков древнего рода «монгол», извлек это почти забытое слово из глубин исторической памяти и назвал им объединенные под его началом народы. Только с этого времени громкое имя монголов и получает самое широкое распространение, так что даже и те племена и народы, которые не имели никакого отношения к изначальным монголам – татары, уйгуры, кыпчаки (половцы) и другие – стали называть себя монголами. Насколько это связано с собственным стремлением народов таким образом разделить громкую славу монголов (как предполагает Рашид ад-Дин), или же такое переименование было частью политики Чингисхана (как считает большинство историков) – этот вопрос мы оставим открытым.

Монгол на коне. Персидский рисунок XIV в.

Ну а теперь, когда мы определились с тем, кого, собственно, можно считать монголами, посмотрим, что из себя представляли эти самые монголы.

Итак, то огромное количество родов и племен, которое мы сейчас собирательно именуем монголами, к началу эпохи Чингисхана делилось на две главные ветви: дарлекин и

нирун. Любопытно, что эти ветви к XII веку уже настолько обособились друг от друга, что перестали считать себя родственными народами.²² Только группа нирун, производившая свой род от чресел прародительницы Алан-Гоа («нирун» собственно и означает «чресла»), считала себя подлинными монголами; при этом несущественно, применялось ли ими это самоназвание или нет. Но и среди настоящих потомков Алан-Гоа были роды, которым также отказывалось в «звании» нирун. И, поскольку происхождение всегда играло огромную роль в жизни монголов, да и в их истории, здесь, пожалуй, самое время привести знаменитую легенду о возникновении истинно монгольского народа.

Праматерь важнейших монгольских родов и племен Алан-Гоа была дочерью Хорилартай-Мергена из северного монгольского племени хори-туматов – лесных охотников Прибайкалья. Этот Хорилартай из-за чего-то поссорился с соплеменниками и вместе со своими родственниками откочевал далеко на юг к горе Бурхан-Халдун на левом берегу Онона, образовав отдельный род хорилас. Именно здесь, у склонов Бурхан-Халдуна – горы, которая позднее стала для монголов священной, состоялась свадьба его дочери Алан-Гоа с Добун-Мергеном, далеким потомком Борте-Чино. От этого брака родилось двое сыновей; но, к несчастью для Алан-Гоа, ее супруг скончался в молодом возрасте. Немаловажно, что старший брат Добун-Мергена умер еще раньше, и потому вдова осталась совершенно одинокой. Тут-то и начинается самое интересное. Алан-Гоа рождает одного за другим еще трех сыновей. У двух старших, видимо, уже достаточно повзрослевших, чтобы все понимать, возникли совершенно обоснованные сомнения: как же так – у матери нет ни мужа, ни его родных или даже двоюродных братьев (вспомним известный монгольский обычай, согласно которому вдову берет замуж ее ближайший родственник по мужу), а дети рождаются. А наследство, как водится, не резиновое, и делить его на пятерых – совсем не то, что на двоих. В общем, пошли пересуды, и Алан-Гоа пришлось призадуматься.

В один прекрасный день она собирает всех своих пятерых сыновей и честно говорит старшим, что их подозрения, конечно, имеют право на существование. Однако дело обстоит совсем не так, как они себе представляют: здесь не обошлось без божественного вмешательства, ведь трое младших родились от луча света, проникшего в ее чрево. Каждый вечер после захода солнца через дымовое отверстие юрты в жилище проникает светловолосый человек с голубыми глазами. Он гладит живот женщины, и туда попадает свет, исходящий от его рук. На рассвете человек уходит, «словно желтый пес». А раз никто, кроме Алан-Гоа, этого человека не видел, значит, он явно небесного происхождения, а его дети отмечены божественной печатью и достойны стать ханами и царями царей. Так что старшим остается только гордиться такими братьями и жить с ними в любви и согласии.

Скорее всего, у Алан-Гоа имелись основания выдвинуть именно такую версию случившегося. По-видимому, ее младшие сыновья весьма отличались внешностью от старших, имея явные европеоидные черты. Ведь даже потомок ее самого младшего сына – Бодончара-дурачка – в десятом поколении, которого мы знаем под именем Чингисхана, был, по свидетельству очевидцев, рыжеволосым, а само родовое прозвище Чингизидов – «Борджигины» – переводится как «синеокие». Как бы то ни было, матери удалось примирить своих детей; однако, стоит отметить, что после этого тяжелого и явно неприятного для Алан-Гоа разговора «желтый пес» приходит сразу же перестал.

Естественно, если отказаться от божественной составляющей, то вызывает большой интерес, откуда в глубинах Центральной Азии в ту эпоху, никак не располагавшую к далеким путешествиям, мог взяться человек столь явно европейской внешности. Однако оставим разгадку этого феномена авторам исторических романов. Для нас же важно, что именно эти события привели к окончательному разделению монголов на две ветви. Потомство Алан-

²² См. Рашид ад-Дин «Сборник летописей». Т. I. С. 179.

Гоа стало называться «нирун», все остальные монголы – «дарлекин». При этом в подвешенном состоянии оказались потомки двух старших сыновей – их то относили к ветви нирун, то отказывали в этом звании.

Монгольские кочевники. Китайский рисунок XIII в.

Забежав немного вперед, заметим, что в итоге в наибольшем выигрыше оказался тот самый предок Чингисхана Бодончар-простак, который был дураком не в большей степени, чем Иванушка-дурачок из русских сказок. Четверо старших братьев оставили его без наследства, но он, благодаря своей доблести, быстро выдвинулся в вожди, обрел немалое богатство и мог спокойно посмеиваться над своими недалекими братьями, которые были вынуждены признать его моральное превосходство. От Бодончара впоследствии отсчитывали свое происхождение виднейшие монгольские роды и племена: тайджиут, барлас, урут, мангут, джаджират и кият-борджигин. От старших братьев Бодончара ведет происхождение значительно меньшее число племен; из них к крупным относятся только два: катакин и салджиут.

Вряд ли стоит разворачивать здесь всю многообразную этническую структуру монголов, тем более, что образование новых родов и племен продолжалось и в эпоху Чингисхана, и после его смерти. Разного рода этнические и родовые особенности будут рассматриваться по мере необходимости. Теперь же рассмотрим этническую картину Великой степи в целом, так как для понимания дальнейших событий – то есть создания всемирной монгольской империи Чингизидов – этот вопрос имеет первостепенное значение. Итак, кто же населял Великую степь накануне эпохи Чингисхана?

Сами монгольские племена нирун, несмотря на их относительную многочисленность (Рашид ад-Дин оценивает их количество примерно в миллион человек, хотя здесь вероятно преувеличение), занимали сравнительно небольшую территорию. Их основные кочевья располагались в нынешней Северной и Северо-Восточной Монголии и Южном Забайкалье у

рек Онон и Керулен. На этой территории есть несколько относительно невысоких горных массивов, но в целом она представляет собой классическую степь, неплохо увлажняемую весной и летом и сухую зимой. Монголы искренне считали эту свою суровую родину лучшим местом на земле, и надо признать, что в этом есть доля истины, если встать на точку зрения кочевников. Для круглогодичного кочевого скотоводства условия здесь были самые подходящие. В сходных природно-климатических условиях проживали и три ближайших соседних народа – кераиты, меркиты и татары.

К западу от монголов-нирун, на равнинах Центральной Монголии, от среднего течения Селенги до верховьев Керулена и Онона кочевали кераиты – народ по-видимому, говоривший по-монгольски, но по обычаям значительно отличавшийся от коренных монголов. Во-первых, кераиты еще в 1007 году приняли христианство несторианского толка со всеми вытекающими отсюда последствиями – христианской обрядностью, крещением, моногамией (наложницы не воспрещались) и так далее. Трудно сказать, насколько далеко зашла христианизация у кераитов, так как кочевой образ жизни ей не очень способствует; однако, вне всяких сомнений, кераиты обладали куда более высокой культурой, чем их соседи-монголы. Во-вторых, кераиты, в отличие от монголов, составляли единую национально-государственную общность – союз племен, своего рода протогосударство во главе с ханом. Заметим, что, по всей вероятности, именно под влиянием кераитов институт ханской власти начал формироваться и у монголов. Первым известным нам по имени ханом кераитов был Маркуз (христианское имя – Марк). Он был захвачен в плен татарами, занимавшими южную, пограничную с Китаем часть Великой степи, которые передали хана для казни китайскому (чжурчжэньскому) императору. Жена Маркуза, Кутуктай, использовав военную хитрость в стиле сказок «Тысячи и одной ночи», жестоко отомстила татарам.²³ С этого времени два важнейших степных племени оказались в состоянии непрекращающейся вражды. А если учесть, что и с монголами татары вели себя так же, – второй монгольский хан Амбагай погиб в Китае, прибитый гвоздями к деревянному ослу (вид позорной казни), но захватили его в плен и передали чжурчжэням все те же татары – то сама судьба велела кераитам и монголам стать союзниками. Недаром внук Маркуза, знаменитый Ван-хан, был долгое время главным союзником Темучина, его названным отцом и настоящим ангелом-хранителем. И впоследствии кераиты легко влились в монгольский улус²⁴ и из их числа вышло немало близких соратников Чингисхана.

Севернее монголов, в Забайкалье, проживали племена воинственных и неукротимых меркитов. Происхождение их неясно и до сих пор вызывает споры среди историков. Часть исследователей считает их особой ветвью монголоязычных народов, некоторые относят к тюркам, но наиболее доказательной представляется версия их происхождения от палеосибирских народов. В условиях постоянных контактов с кераитами и монголами (а с монголами-дарлекин меркиты практически делили кочевья), межплеменных браков и даже включения в свой состав монгольских родов и семей, меркиты (в особенности южные) перешли на монгольский как язык межнационального общения.

Меркитов и монголов в XII веке связывали своеобразные отношения. Мать Темучина Оэлун из монгольского племени олхунут была выдана замуж (по любви!) за меркитского воина, у которого и похитил невесту Есугэй-багатур. И после этого с большинством монгольских племен меркиты уживались вполне мирно, но с борджигинами их разделила непримиримая вражда. Позднее меркиты пленили юную жену Темучина Борте, и старший сын

²³ В сотне огромных мешков для кумыса она спрятала сто лучших кераитских воинов и отправилась с этим «даром» к татарскому вождю. Во время совместного пиршества по ее сигналу спрятавшиеся кераитские бойцы вырвались из мешков и порубили всех пиравших татар.

²⁴ Буквальный перевод слова «улус» – «люди». Однако уже с XII века оно фактически применялось в значении «народ-государство», включая в себя и население, и принадлежащие ему кочевья.

Чингисхана Джучи (Джочи) до конца дней своих не отмылся от прозвища «наследник меркитского плена». Это на меркитов Темучин совершил свой первый военный поход, который прославил в степи его имя и стал началом его фантастической карьеры. И в дальнейшем меркиты оставались едва ли не самыми стойкими врагами Чингисхана. Они не сдавались до конца и, даже разбитые монгольской военной машиной, не покорились и ушли на запад, где продолжали борьбу до тех пор, пока не погиб последний меркит. Надо подчеркнуть еще раз, что меркиты были именно *родовыми* врагами Чингисхана, а с остальными монголами они жили вполне мирно. В отличие от третьей группы кочевых племен, название которой, наверное, наиболее известно читателю – татар.

Татарские кочевья занимали обширные территории к востоку и юго-востоку от монголов. Сегодня это Восточная Монголия, район озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол, и восточная половина китайского автономного района Внутренняя Монголия. Природные условия для кочевого скотоводства в этом районе великолепны, особенно в Прихинганье. Здесь можно было прокормить большое количество скота, а где скот – там и люди. Поэтому татары были довольно многочисленным народом – вероятно, самым могучим в степи. Но с ними сыграла злую шутку относительная близость к китайской империи Цзинь (Кинь). Значительная часть татар попала под культурное влияние Китая, а вместе с этим и в определенную зависимость от него. Эту большую группу племен называли «белыми татарами». Они находились в сфере влияния Чжурчжэньской империи (а до того – киданьской империи Ляо) и вынуждены были выступать как ее союзники против всех остальных степных племен. Две другие крупные группы назывались «черные татары» и «дикие татары». Третья группа по образу жизни мало отличалась от монголов, возможно даже, уступая им в культурном отношении. Эти три группы часто враждовали и между собой, но в целом занимали прочжурчжэньские позиции и потому чаще всего выступали как враги монголов, хотя уже при Темучине в 90-е годы XII века часть татар перешла на сторону будущего повелителя степи.

Этническая принадлежность татар до сих пор точно не определена. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что с легкой руки китайцев татарами стали называть едва ли не все население Великой степи. Даже в 1221 году приехавший в ставку наместника Чингисхана Мухали (джалаира по происхождению) посланник южнокитайской империи Сун Чжао Хунь называет окружающих татарскими, хотя прекрасно знаком с названием «монгол». Более того, он утверждает, что сам Мухали называл себя татарин (после резни 1202 года²⁵ верится в это с трудом). Да и название его произведения – «Мэн-да бэй-лу», которое обычно переводят как «Полное описание монголо-татар», правильнее перевести как «Полное описание монголов, которые татары». То есть имя татар широко известно: так массы степных народов называют в Индии, Иране и Средней Азии. Имя же монголов новое, оно еще мало кому известно, и потому монголов превращают в особый род татар, хотя более непримиримых врагов, чем монголы Темучина и татары, в степи, пожалуй, и не было. Темучин всю жизнь считал, что татары виновны в смерти его отца, и отомстил страшно – в 1202 году, разгромив основную татарскую коалицию, он приказал вырезать всех татар до единого, кроме самых маленьких детей – «не выше колесной оси». Но (вот ирония судьбы!), перебив всех татар, он не избавился от того, что самих монголов многие народы продолжали называть татарами.²⁶

Другое обстоятельство, затрудняющее этническую идентификацию татар – то, что разные племенные татарские группы, вполне вероятно, говорили на разных языках. Большая часть их была тюркоязычной, но значительное число родов и племен, кочующих в непосредственной близости от монголов и кераитов, перешло, как минимум, на двуязычие, а может

²⁵ О событиях 1202 года подробно рассказывается в главе 7.

²⁶ Русские летописцы, рассказывая о монгольском нашествии на Русь, всегда называли захватчиков татарами. Впоследствии это привело к созданию совершенно нелепого термина «монголо-татарское иго».

быть, и просто на монгольский язык. По крайней мере, при всех многочисленных случаях контактов татар и монголов, описанных в источниках, нигде не отмечается наличия какого-либо языкового барьера.

А теперь от самых ближних монгольских соседей перейдем к более дальним. И в первую очередь – к двум самым восточным народам сопредельных с монголами стран – киданям и чжурчжэням (маньчжурам). Поскольку история этих народов именно в XII веке претерпела гигантские изменения, здесь не обойтись без исторического экскурса. Начнем с киданей.

Происхождение киданей (иначе – китаев), как и многих других народов, весьма туманно. Проживали они севернее Великой Китайской стены, на территории современного Северо-Восточного Китая (провинции Хэйлунцзян и Гирин). В языковом отношении эти земли были пограничными между двумя группами алтайской языковой семьи – монгольской и тунгусо-маньчжурской. Поэтому одни историки считают их самой восточной ветвью монголоязычных племен, другие – самым западным ответвлением маньчжур. Вполне возможно, что они были двуязычными (нужда заставит), но то, что монгольский, во всяком случае, в XII веке, был основным, сомнений не вызывает.

Историю киданей можно проследить с начала X века. Тогда, в 907 году, выборный вождь конфедерации киданьских племен Елюй Амбагань отрубил головы остальным семи племенным вождям и по примеру соседнего Китая объявил себя Небесным императором. Вскоре ему удалось привести к покорности лесные тунгусо-маньчжурские племена (будущих чжурчжэней) и нанести поражение монгольским народам на западе. Укрепив тем самым тылы, Елюй Амбагань смог вмешаться в династическую борьбу в Китае. Уже при его преемниках был достигнут серьезный успех, захвачена немалая часть Северного Китая, включая Ляодунский полуостров, и в 947 году провозглашена империя Ляо – китайско-киданьский симбиоз.

Кидани довольно быстро переняли куда более высокую китайскую культуру, хотя и не утратили национального самосознания. Империя Ляо превратилась в типичное феодальное государство китайского типа со всеми его составляющими: жесткой бюрократической системой и безжалостным подавлением покоренных народов. И до поры до времени все шло у них хорошо. Но в 1115 году вспыхнуло восстание маньчжурского племени чжурчжэней, и империя Ляо стала рассыпаться как карточный домик. Чжурчжэни заключили союз с Сун – династией, объединяющей большую часть Китая. Войны на два фронта кидани не выдержали. В 1125 году чжурчжэни взяли в плен последнего императора киданьской династии и провозгласили создание собственной империи Цзинь (Кинь).

Но не все кидани смирились с поражением. Значительная их часть из числа наиболее отчаянных объединилась вокруг нового вождя. Им стал один из принцев бывшего царствующего дома – Елюй Даши. Этот принц показал себя отличным полководцем и толковым политиком. В течение трех лет он отважно сражался с многократно превосходящими силами врагов за восстановление империи Ляо. Лишь когда стало окончательно ясно, что дело киданей в Северном Китае погребено навсегда, Елюй Даши собрал вокруг себя армию добровольцев и стал с боями пробиваться на запад. Здесь он полностью отказался от имперской символики и провозгласил себя степным властителем – гурханом («гур» – «крепкий, сильный»). Сорок тысяч воинов, ушедших с ним в Джунгарию, даже сменили этническое самоназвание. Чтобы их не путали с оставшимися в Китае и смирившимися с поражением соплеменниками, они назвали себя кара-кидани (каракитаи).

Путь изгнанников на запад был долгим и трудным. Переход через Гоби унес жизни тысяч соратников Елюя Даши. Но в Джунгарии ему улыбнулась удача. Гурхану удалось захватить две крупные мусульманские крепости – Кашгар и Хотан. Вскоре Елюй Даши покорил Семиречье и, опираясь на эту базу, развернул наступление на Среднюю Азию, которая

тогда находилась в вассальном подчинении у сельджукского султана Санджара. В 1137 году киданьский полководец разгромил войско самаркандского правителя. Великий султан Санджар не мог не отреагировать на эту угрозу сельджукскому владычеству и двинулся на киданей во главе стотысячной армии. У Елюя Даши было около тридцати тысяч человек. Но гурхан доказал, что воюют не числом, а умением. Сельджуки были разгромлены наголову, а Санджар бежал, потеряв только убитыми более тридцати тысяч воинов. Средняя Азия покорилась победителю. Так возникло сильное кара-киданьское ханство.

А что же происходило в это время на востоке? Там чжурчжэни, одержавшие блистательную победу над многовековым врагом – киданями, отнюдь этим не удовлетворились. Старинный недруг пал, непокоренные остатки киданей ушли далеко на запад – казалось бы, все задачи решены, живи и радуйся. Но аппетит, как известно, приходит во время еды, и победоносные чжурчжэни обрушиваются на своего вчерашнего союзника – китайскую династию Сун. Вот когда сунские императоры пожалели о своей войне с государством Ляо, которое являлось фактическим буфером между лесостепными племенами варваров и плодородными землями Великой Китайской равнины. Буфер рухнул, и сунским китайцам пришлось плохо. Уже в 1127 году чжурчжэни взяли сунскую столицу Кайфын; сам император был взят в плен, а его брат бежал на юг, за Янцзы, оставив весь Северный Китай на разграбление захватчикам. В Южном Китае также воцарилось похоронное настроение: казалось, непобедимые маньчжурские воины вот-вот захватят всю китайскую территорию. Помощь пришла оттуда, откуда не ждали – из далеких северо-западных степей в тыл чжурчжэням ударило... монгольское войско во главе с только что избранным первым ханом монголов Хабул-ханом. Конечно, монголы вовсе не стремились помериться силами с чжурчжэнями: их задача была проста – хорошенько пограбить богатый Китай, пока чжурчжэни заняты борьбой с империей Сун. Но в итоге они невольно оказались сунскими союзниками по принципу «враг моего врага – мой друг». Сунская империя была спасена, хотя утратила половину Китая, а в 1141 году признала себя вассалом Цзинь. Но с этих пор монголы стали едва ли не главными врагами чжурчжэней в северных степях. С набега Хабул-хана началась война монголов и чжурчжэней – то полностью затухающая, то вспыхивающая вновь. И ее с полным основанием можно назвать Столетней, ибо закончилась она только в 1235 году, уже после смерти Чингисхана, при его преемнике Угедэе – полным уничтожением чжурчжэньской империи.

На первом этапе этой степной войны инициатива была на стороне чжурчжэней. Они и их ближайшие союзники татары одержали несколько военных побед. Хабул-хан едва не попал к чжурчжэням в плен, ему чудом удалось бежать уже из-под стражи. Его преемнику Амбагай-хану, как уже было сказано, повезло гораздо меньше: захваченный в плен татарами, он закончил свою жизнь прибитым чжурчжэнями к деревянному ослу. Третий и последний (до Темучина) монгольский хан Хутула, хотя и отомстил чжурчжэням за смерть предшественника победоносным набегом, но по возвращении из него чуть не оказался в плену у чжурчжэньских союзников (в качестве иллюстрации к китайской методике «разделяй и властвуй» заметим, что это было чисто монгольское племя дурбан/дорбэн). В свой лагерь Хутула вернулся, когда все уже считали его погибшим, и, как говорят, он даже сподобился увидеть собственные поминки. Впрочем, прожил он после этого недолго – по всей видимости, был отравлен. Воистину, монголам давали ясно понять, что ханское место стало слишком горячим, и результатом этого цзиньского террора стало то что после смерти Хутулы новый монгольский хан не был избран (хотя все шансы имел отец Темучина, Есугэй-багатур), и непрочное монгольское объединение развалилось. Тем самым чжурчжэни выполнили основную задачу – обезопасили свой северный тыл и смогли переложить проблему сдерживания монголов на своих союзников-татар. Чжурчжэньская империя Цзинь в год рождения Темучина практически достигла пика своего могущества.

А теперь от границ Китая двинемся на запад, по пути Елюя Даши. И мы сразу сталкиваемся с одним весьма интересным, хотя и небольшим народом. Имя ему – онгуты. Происхождение его также неясно, но поскольку это кочевое племя совершенно четко отделяли от находящихся по соседству татар, можно предположить, что по языку оно было монгольским. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что позднее, в эпоху Чингисхана, онгуты часто брали жен от монголов, а своих дочерей отдавали замуж за монгольских богатырей. Любопытна историческая роль онгутов. Они довольно давно попали в прямую зависимость от Китая (по мнению Рашид ад-Дина, вообще в незапамятные времена эпохи Цинь и шаньюя Модэ). И по приказу китайских императоров, подтвержденному потом и чжурчжэнями, они должны были кочевать строго вдоль Великой Китайской стены – с тем, чтобы в случае нападения северных кочевников защищать эту самую стену. Поэтому онгуты проживали на длинной, но очень узкой полосе территории, и было их немного – четыре тысячи кибиток (двадцать-тридцать тысяч человек).

Западнее земель онгутов и татар, к югу от пустыни Гоби, располагалось могущественное государство тангутов – держава Си-Ся. Тангуты были оседлым народом, по-видимому, тибетского происхождения: то есть, их племена не были родственны ни монголам, ни тюркам, ни маньчжурам. Южная, самая населенная часть тангутской державы заходила в горы Наньшань, очень высокие и почти непроходимые. Здесь находились их могучие неприступные крепости, в которых хранились огромные запасы продуктов на случай войны или набега кочевников. В северной, степной части проживали в основном скотоводы, причем главным скотом у тангутов были верблюды, которых монголы тогда, в отличие от нынешнего времени, почти не знали. Плодородные земледельческие долины предгорий Наньшаня позволяли прокормить большое количество жителей, и действительно, население Си-Ся было очень велико, по некоторым оценкам – около двух миллионов человек, то есть тангутов было больше, чем всех кочевников в восточной части Великой степи. Кроме того, тангуты занимали земли, находящиеся между очагами двух древнейших культур – китайской и тибетской. Они многое переняли и от близких им по языку тибетцев-скотоводов, и от извечных земледельцев – китайцев и чрезвычайно гордились своей высокой культурой. А имея сильную семидесятитысячную армию и неприступные крепости в глубоком тылу, тангуты могли вообще свысока смотреть на окружавшие их кочевые и полукочевые народы (что они, собственно, и делали).

О взаимоотношениях тангутов и монголов до эпохи Чингисхана известно не слишком много. Тысячекилометровый барьер пустыни Гоби далеко не способствовал контактам двух народов. Больше сведений имеется об их связях с кераитами, которым тангуты продавали просо, ткани и верблюдов, взамен покупая лошадей. Отношения между этими народами были мирными, и не зря внук Маркуза – кераитский хан Тогрил (иначе – Тоорил, будущий Ван-хан), оказавшись свергнут с престола своими родственниками, бежал с просьбой о помощи именно в Си-Ся. Тангуты, правда, не стали вмешиваться в кераитские междоусобицы, и помощи он не получил. Примерно в эти же годы, в период чжурчжэньской агрессии, тангуты не раз подвергались маньчжурским нашествиям – без особых, впрочем, потерь для себя, а иногда отвечали и собственными походами на Цзинь – тоже, правда, безуспешными. Как противников чжурчжэней, формально можно назвать их союзниками монголов, но союза как такового никогда не было, а гордыня тангутов и их презрение к северным кочевникам частенько вставляли монголам поперек горла. Позднее Чингисхан не раз воевал с тангутами, а перед смертью окончательно сокрушил державу Си-Ся.

Двигаясь от тангутского государства дальше на запад, мы встречаемся с еще одним, не менее интересным народом – уйгурами. Этот тюркский народ и сегодня населяет северо-западный угол Китая – Синьцзян-Уйгурский автономный район – и имеет очень древнюю историю. Еще в VIII веке кочевники-уйгуры подхватили падающее знамя великого Тюрк-

ского каганата и на развалинах Вечного Эля тюркской династии Ашина создали собственную сильную державу – Уйгурский каганат. Он просуществовал более ста лет и пал под ударами пришельцев с севера – енисейских кыргызов. В период великого безвременья IX – X веков, вызванного столетней засухой в Великой степи, уйгуры заняли оазисы Джунгарии и Кашгара и... выжили. Но вынужденный уход в оазисы сменил и род деятельности, и стереотипы поведения уйгуров. Из кочевого племени они превратились в оседлый народ, основными занятиями которого стали земледелие и торговля.

Такой смене приоритетов весьма способствовали географические и климатические условия. Оазисы уйгуров оказались зажаты с одной стороны – хребтами Восточного Тяньшаня, с другой – безводными (а значит, и бестравными) пустынями, самой страшной из которых была абсолютно безводная Такла Макан – одно из наиболее суровых и жутких мест на Земле. Кочевое скотоводство в этих условиях возможно лишь в предгорьях, да и то не круглый год. В оазисах же оно невозможно по определению. В результате лишь небольшая часть уйгуров сохранила навыки кочевой жизни. Основное же население сосредоточилось в оазисах, где занималось земледелием и стойловым животноводством. Но география подарила уйгурам и еще одну уникальную возможность.

Дело в том, что уйгурские оазисы находились почти в самой середине знаменитого Великого шелкового пути – торговой дороги, ведущей из Китая к берегам Средиземного моря. Миновать эти оазисы купцам разных стран было невозможно – вокруг были безводные пустыни. Снабжая караваны самым необходимым, давая отдых усталым путникам и собирая пошлину с товаров, уйгуры начали быстро богатеть. А с конца X века они и сами устремились в торговлю, заняв беспроницаемое положение посредников. Многие китайские купцы, опасаясь тягот почти бесконечного пути, да и не желая надолго расставаться с родиной, перестали возить товар дальше Уйгурии, да и уйгуры зачастили в Китай, где предлагали за китайские товары хорошие деньги. Затем эти товары перевозились в города Средней Азии, в исламский мир, где и продавались, надо думать, с хорошей прибылью. В Фергане и Самарканде закупались товары, пользующиеся спросом в Китае (особенно славилась знаменитые арабские жеребцы) и перевозились на восток. И вместо нескольких лет, которые требовались торговцу, чтобы пройти весь Шелковый путь и вернуться, уйгурскому купцу удавалось за год совершить два, а то и три торговых путешествия.

Транзитная торговля окончательно изменила культуру и образ жизни уйгуров. В первую очередь, торговля требовала грамотных людей, и уйгуры уже в конце X века придумали собственный алфавит. Позднее он получил широкое распространение и был при Чингисхане перенят монголами, а уйгурские грамотеи заняли законное и, надо полагать, небезвыгодное положение писцов и счетоводов при ставке хана. Кроме того, богатство, достигающееся сравнительно небольшими усилиями, окончательно оттолкнуло уйгуров от военной стези. Они стали мирными людьми, предпочитая откупаться или платить дань потенциальным захватчикам, а не воевать. Так они откупились от победоносного Елюя Даши, признав его верховную, но сугубо номинальную власть. Так они позднее без всякой крови и войн вошли и в державу Чингисхана. У уйгуров даже властитель назывался своеобразно. У других народов были в ходу эпитеты «великий», «сильный», «могучий», «царь царей» и тому подобное – взять того же кара-киданьского гурхана. Правитель уйгуров назывался идикут, что в переводе означает «господин счастья». Вот как! Поймали счастье за хвост и теперь сидят на нем во главе с его господином. Надо сказать, что и монгольское завоевание отнюдь не нарушило уйгурского счастья – скорее наоборот, время монгольской империи стало эпохой наивысшего расцвета уйгурской транзитной торговли.

Следуя дальше на запад, мы попадаем в земли, которые и стали второй родиной киданей-изгнанников. Кара-кидани заняли пространство от Алтая до Памира – пограничную полосу между восточной и западной половинами Великой степи. На западе они граничили

уже с западными кочевниками-тюрьками: канглами, карлуками и кыпчаками, которых на Руси звали половцами. И до 1211 года чувствовали себя вполне уверенно, пока не столкнулись с бежавшими от непобедимых туменов Чингисхана меркитами и найманами.

И здесь, чтобы окончательно замкнуть то, что современные историки довольно метко называли «монголосферой», нам осталось рассказать о нескольких народах, живших к северо-западу от собственно Монголии. Крупнейшим из этих народов были найманы.

Найманы – вообще один из самых таинственных народов. Мы не знаем, на каком языке они говорили, хотя, предположительно, это был один из диалектов монгольского. Нам известно, что у них была высокоразвитая культура (пожалуй, едва ли не самая развитая среди степных народов) и сильное государство, но при этом мы не можем обнаружить никаких предпосылок к этому, ведь окружали Найманское ханство кочевые племена с родовым строем и находящиеся на куда более низкой стадии развития. Поэтому высказываются самые разные версии происхождения найманов и их государства. Часть историков, вслед за великим Л.Н. Гумилевым, считает их северной ветвью кара-киданей, отказавшейся подчиняться Елюю Даши и ушедшей в алтайские степи. Есть мнение, что на культуру найманов оказали влияние енисейские кыргызы – не менее загадочный народ, изолированно проживавший на Енисее в районе Минусинской котловины и занимавшийся по преимуществу земледелием. Найманы также овладели земледелием, и это сильно отличало их от других кочевых племен. Земледелие требует хотя бы частичной оседлости, что резко снижает мобильность народо-войска. В то же время оно позволяет прокормить гораздо большее количество людей, чем кочевое скотоводство и дать, соответственно, куда больше солдат в это самое войско – что, собственно, мы и отмечаем у найманов. Но в целом номуадизм как образ жизни и у найманов остается на первом месте, и в результате складывается довольно странный, почти равноправный симбиоз земледельцев и скотоводов, который не встречается у других степных племен. Даже кара-кидани, несмотря на всю усвоенную ими китайскую культуру, уйдя в степи, отказались от земледелия и перешли к кочевому образу жизни. Так что найманы и по сей день остаются загадкой.

А теперь, чтобы завершить обзор дальних и ближних соседей монголов, отметим еще небольшую, но важную группу племен, проживавших между Енисеем и озером Байкал, а частью и в Забайкалье. Это лесные охотники, обитавшие на границе между сибирской тайгой и Великой степью. Крупнейшие из них, хори-туматы и баргуты, относились, по-видимому, к монгольской языковой группе, но по образу жизни резко отличались от монголов. Несмотря на общность происхождения, монголы и те же хори-туматы отказывались признавать свое этническое единство: слишком уж отличалась их культура (а ведь, заметим, сама прама-терь монголов, Алан-Гоа, формально была родом из хори-туматов, о чем, кстати, монголы не очень любили вспоминать). Каждый из народов считал свой образ жизни единственно правильным, а соседей – отсталыми. И потому отношения лесных и степных монгольских племен были довольно-таки натянутыми, пока не закончились разгромом и покорением лесовиков (хори-туматы при этом были почти полностью уничтожены). Степные монголы одержали победу, доказав тем самым своим «идеологическим» противникам преимущества истинно монгольского образа жизни. Так что же представляла собой эта «истинно монголь-ская» жизнь? Об этом – в следующей главе.

Глава 3

Быт и обычаи монголов

Строго говоря, народы, которые мы безоговорочно относим к монгольским, тоже не все были кочевыми скотоводами. Речь идет даже не о тех народах монгольского языка – таких, как баргуты и ойраты, которых сами потомки Бодончара не считали за «своих». Некоторые и исконно монгольские роды относились к «лесным народам», причем порой по старой памяти, так как их предки были звероловами. Были и такие племена, которые принадлежали к лесным и степным одновременно – например, урянхаты, откуда родом был, между прочим, знаменитый Субэдэй-багатур – покоритель Руси. Лесные урянхаты, как и другие лесовики, сильно отличались по образу жизни от степных.

Главным занятием «лесных» монголов была охота, в меньшей степени – рыболовство. Они почти никогда не покидали своих лесов, блуждая по ним в поисках дичи. Однако надо отметить, что эти блуждания отнюдь не были бессистемными. Как и у их соседей-степняков, земли – в данном случае, охотничьи угодья – были строго закреплены за отдельными родами или семьями. В пределах этих достаточно обширных участков и протекала их своеобразная кочевая жизнь. В силу естественно-природных причин лесовики не использовали повозок, не было у них и юрт, подобных тем, что имелись у монголов степи. Жили они в шалашах из березовой коры и при необходимости весь свой нехитрый скарб могли унести на собственных плечах. Тем не менее, определенное влияние соседей-скотоводов ощущалось. «Лесные» приручали диких оленей-изюбрей (Рашид ад-Дин называет их «горными быками») и косуль, питались их мясом и молоком; изюбри использовались ими и как вьючные животные. Но, в отличие от степняков, они не были привязаны к своим стадам: одомашненные звери следовали за человеком-охотником, а не человек следовал за ними, как у скотоводов. В силу этого лесовики презирали кочевников как пожертвовавших своей свободой ради более сытой и предсказуемой жизни. Жизнь скотовода они считали невыносимой и, например, главной угрозой для непослушной дочери было обещание отдать ее замуж за степняка, где той придется ходить за баранами. И некоторые, видя такую удручающую перспективу, кончали жизнь самоубийством.²⁷

Хозяйство у лесных народов было крайне несложным. Одежда шилась из шкур животных, пищей было мясо, иногда – рыба. Нет никаких сведений, что они готовили из молока какие-либо продукты (а степняки делали более двадцати видов молочных продуктов). Основным напитком был древесный сок (очевидно, березовый), главным оружием – копье, хотя они знали лук и стрелы, с которыми охотились на мелкую дичь. Зимой «лесные» передвигались на лыжах, причем настолько быстро, что могли преследовать и быстроногих оленей и косуль. Однако к XII веку в лесном образе жизни начали происходить некоторые изменения, вызванные как соседством с монголами-степняками, так и контактами с мусульманскими и уйгурскими торговцами, которые в поисках мехов забирались далеко на север. Надо сказать, что денег лесовики не знали, и купцам этим приходилось порой нелегко: так, один купец перегонял в северные леса целую тысячу баранов для обмена на меха пушных зверей. Завязалась кое-какая обменная торговля с кочевниками – те же меха в обмен на войлок, шерсть и продукты. Это привело и к некой дифференциации лесных народов; известны целые племена, специализировавшиеся в охоте на разных зверей: булагачин – «соболевщики» и керемучин – «белковщики». С торговлей пришла и разница в достатке, у более богатых появились лошади, удобная шерстяная и даже шелковая одежда, их рацион разнообра-

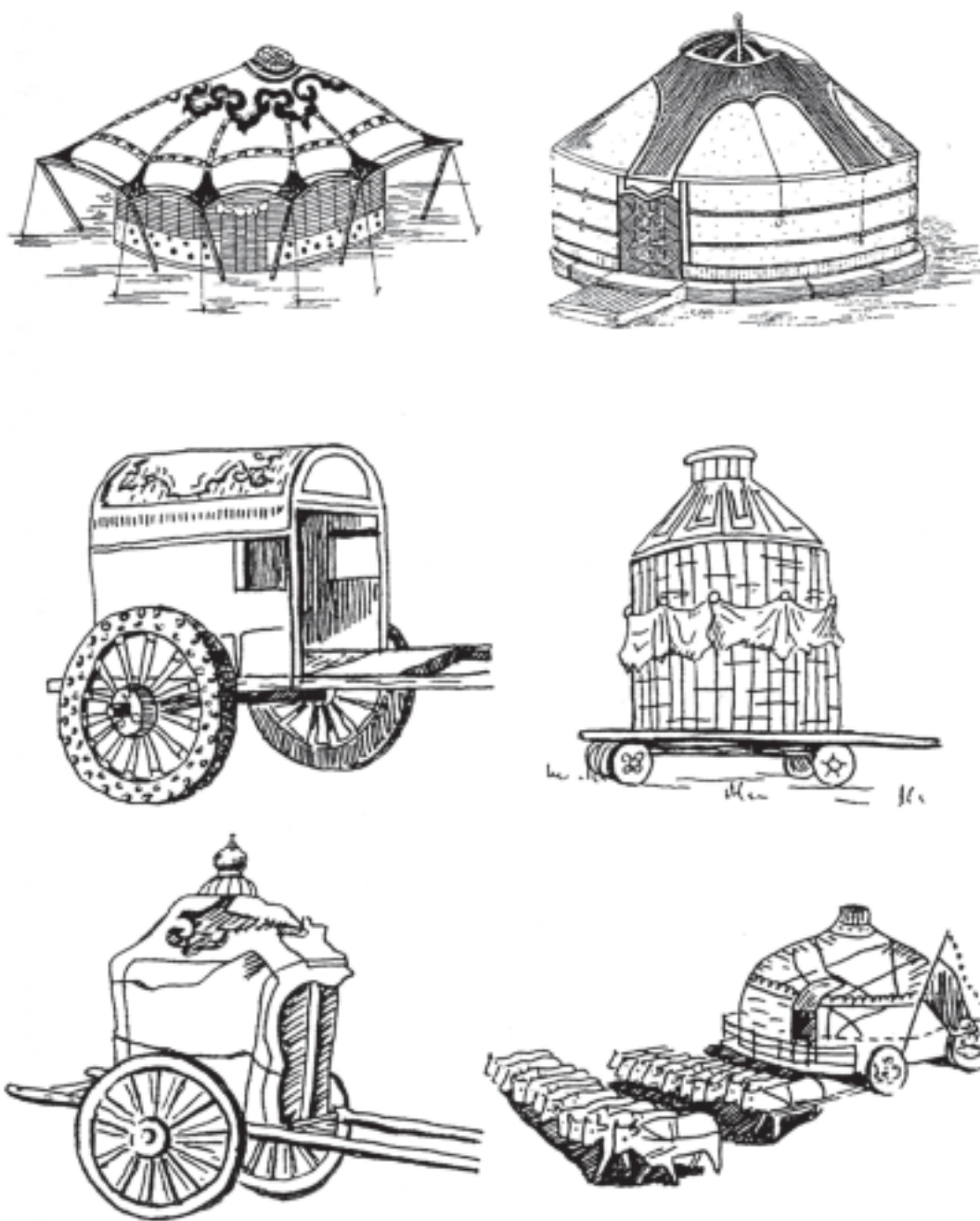
²⁷ См. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. С. 123.

зили просяные и пшеничные лепешки. Но в целом хозяйственный уклад «лесных» народов оставался более примитивным, нежели у их южных соседей – степных монголов.

О хозяйстве степных кочевников мы имеем намного больше сведений. И сами эти племена были гораздо многочисленнее «лесных», и роль их в мировой истории несоизмерима. Истинным вождем этого «поколения людей, живущих в войлочных кибитках», стал Чингисхан, покоритель полумира.

Основных занятий у степных монголов было два: скотоводство и охота, но главным из них, определившим самую основу их образа жизни, было все же круглогодичное кочевое скотоводство. Монголам-кочевникам, как и всем прочимномадам, приходилось постоянно переходить с одного места на другое в поисках хороших пастбищ для скота. Не следует, впрочем, думать, что это было медленным безостановочным движением. Как правило, они после перекочевки устанавливали свои юрты²⁸ в наиболее удобном месте на неделю-две, а иногда и на более долгий срок – в зависимости от возможностей пастбища и величины стад. От этого же зависела и длина перекочевков: чем больше было стадо, тем длиннее был кочевой переход. Сена на зиму в восточной части Великой степи, как уже говорилось, не запасали, но сами перекочевки регулировались так, чтобы зимой оказаться в бесснежных равнинных степях, летом же кочевали по отрогам гор и речным долинам, где трава была богаче, но зимой там было больше снега, что затрудняло скоту добывание пищи. В весенне-летний период перекочевки варьировались и сообразно преимущественному составу стад: горные пастбища больше подходили для коней, приречные – для овец.

²⁸ Это название, ныне устоявшееся, на самом деле не совсем верно. Юртом назывались все земли, по которым кочует данный род или отдельная семья. Границы юрта обычно строго определялись и могли быть большими или меньшими. Так, юртом самого Чингисхана в конце его жизни считалась собственно Монголия, и этот свой «юрт» он, согласно монгольским законам, завещал своему младшему сыну. Жилище же монголов, их кочевнический шатер, именовалось «гер»; «юртой» его стали называть позднейшие европейские исследователи, не разобравшиеся в монгольской семантике. Но поскольку именно это название приобрело широкую известность, воспримем его как данность. Пусть будут «юрт» и «юрта».

Юрты и повозки монголов

В XII веке мы различаем у монголов два вида кочевья, во многом противоположных друг другу. С одной стороны, это семейное или родственное кочевье в одну или несколько юрт; с другой – кочевали весьма большими группами в сотни юрт и кибиток. Малое кочевье называлось «айл» (айил), большое состояло из скопления айлов и называлось «курень», что означает «кольцо» и отражает способ расстановки повозок и шатров. Таким образом, существовали айльный и куренный способы перекочевков.

В данном случае четко прослеживается одно из важнейших противоречий кочевой жизни вообще. Поскольку скот являлся личной собственностью (собственностью семьи), то для каждого кочевника, а особенно для богатого скотом, куда удобнее было кочевать отдельным айлом. Привольно, никто не мешает, нет бедных родовичей-нахлебников. Однако такое кочевание становится приемлемым только при достаточно высоком уровне безопасности. В условиях постоянных набегов, грабежей и межродовых войн – а именно такова была

ситуация в XII веке – аильный способ, при всех своих плюсах, становился слишком опасным. Надо было искать выход, и тогда возникли курени – фактически укрепленные поселки, где в середине кольца стоял шатер старшего, а вокруг, концентрическими кругами, повозки и юрты младших родовичей. Применялся, по-видимому, и смешанный способ, когда владельцы жили в куренях в целях личной безопасности, а стада их вместе с подневольными пастухами кочевали аилами. При этом в случае набега на аил из куреня могла прийти быстрая помощь, а при превосходстве нападавших в самом курене можно было успешно держать круговую оборону. Таким образом, в XII веке два способа кочевья соседствовали друг с другом. Позднее, с созданием империи Чингисхана, куренной способ отмирает, так как вместе с имперским порядком пришла и безопасность, жестко контролируемая Ясой²⁹.

²⁹ О Великой Ясе и ее принципах подробно рассказывается в главе 8.

Валяние войлока. С картины Б.Шарава «Один день Монголии»

Стада у монголов состояли из разных видов животных: крупного рогатого скота, коней, овец и коз; у богатых были и привозные (тангутские) верблюды. Но главным животным, ценимым больше всего, являлась лошадь. Табуны коней были основным богатством монгола: без коня было вообще невозможно вести кочевое хозяйство. Конь служил средством передвижения, нес службу на войне и облавной охоте, мог спасти своего хозяина в минуту опасности. Рассказами о конях и табунах переполнены страницы «Сокровенного Сказания», без коня монгол не мог считаться полноценным человеком. «Что может сделать монгол, когда он лишился коня?» – кричали враги Хутула-хану, загнав его в болото. Сам Чингисхан говорил: «Тот, кто упадет с лошади, будет ли иметь возможность встать и сражаться? А если и встанет, то пеший как пойдет под конного и выйдет победителем?»

По состоянию коней монголы судили о положении того или иного рода; от него очень часто зависели победа или поражение в битве. Но лошадь являлась не только средством передвижения или вьючным животным: она была и пищей. Монголы питались конским мясом, пили кобылье молоко и изготавливали из него хмельной напиток – кумыс. Использовались и конская шкура и волос – применение лошади было чрезвычайно многообразным. Самый бедный монгол владел лошадьми, и нищей считалась семья, в которой не было хотя бы двух лошадей на человека.

Другие породы скота, хотя имели менее важное значение, чем конские табуны, но тоже играли важную роль в хозяйстве монгола, являясь одним из признаков богатства. Набитая шелками и золотом юрта еще не делала монгола богатым в глазах его соседей, если у того имелось мало скота. В XII веке это было особенно важно, так как в целом скота было недостаточно. Хотя мы и не располагаем точными данными об этом, но косвенные сведения доказывают, что большое количество скота у монголов появилось только после походов Чингисхана.

Использование скота также было разнообразным. Разумеется, главным было употребление его в пищу – мясную и молочную. Крупный рогатый скот также применялся как средство передвижения, главным образом как запряжка для перевозимых шатров-юрт и повозок-кибиток. Лошади для этой цели никогда не употреблялись. Баранов держали ради мяса, шкур и шерсти. Овечьи шкуры шли на одежду, из шерсти катали основной строительный материал монгольской степи – войлок. Даже испражнения животных полностью шли в дело – высушенный навоз в безлесной степи являлся основным видом топлива. Мясо шло в пищу людям, кости – пастушьим овчаркам.

Между прочим, вопреки мнению многих, включая даже специалистов, мясо не являлось основной пищей кочевников. Это мнение верно лишь отчасти. В действительности, основой питания мясо было у монголов лишь в зимний период. Его заготавливали в больших количествах поздней осенью или в начале зимы, когда кололи нагулявших жир баранов и замораживали туши. После этого и начинался мясоед – тем более, что молока зимой животные давали значительно меньше. Однако большую часть года – весной, летом и осенью – монголы питались молочными продуктами, лишь иногда разнообразя свой стол охотничьей добычей или мясом павших животных. В стадах в это время скот никогда не забивали, разве что к какому-либо празднику. Но и на праздниках не объедались: мясом одного барана кормили пятьдесят и даже сто человек.

Вообще, пищу монголов, конечно, нельзя назвать слишком разнообразной, однако, мясо-молочные продукты были действительно на любой вкус. Мясо употреблялось в вареном, жареном, вяленом и копченом виде. Делали монголы и колбасы – главным образом, из конины. Такая колбаса, которую ели в свежем виде, была, по свидетельству Рубрука, очень вкусной. Имелось более двадцати видов молочных продуктов; при этом монголы извлекали из молока буквально все, что только возможно. Очень важным делом (и исключительно мужским) считалось сбивание кумыса. Образующаяся при этом гуща была самой обыденной пищей, а забродившая сыворотка (собственно кумыс) – главным хмельным напитком. Для особо важных персон изготавливался некий черный кумыс, секрет изготовления которого, к сожалению, утрачен. Кроме того, монголы в больших количествах заготавливали масло, которое, хотя и делалось без применения соли, могло храниться довольно долгий срок. Совершенно особую роль в питании монголов играл так называемый хурут – очень кислый творог, высушенный на солнце до каменного состояния. Поскольку он мог без каких-либо изменений храниться годами, хурут стал главной пищей «на черный день». Когда в степи начинался голод, – а такое в результате джуда³⁰ бывало каждые несколько лет – только

³⁰ Джуд – сильная гололедица в степи, как правило, ранней весной, когда скот не может добыть траву из-под льда и

запасенный заранее сушеный творог спасал кочевников от голодной смерти. Не случайно уже в эпоху Чингисхана каждого воина-монгола обязывали иметь при себе несколько килограммов хурута, которые могли обеспечить его пищей на две-три недели. Между прочим, во многом благодаря этому любопытному продукту обеспечивалась небывалая мобильность монгольских войск: хурут делал ненужными многочисленные замедляющие движение продуктовые обозы; в результате монголы могли за неделю преодолевать расстояние в тысячу (!) километров и появляться там, где их никто не ждал.

И все же скотоводство, хотя оно и являлось главным занятием кочевников, не могло обеспечить монголов всем необходимым – в XII веке для этого просто недоставало скота. Поэтому недостаток пищи восполнялся и другими способами ее добывания: охотой и, в меньшей степени, рыбной ловлей. Охота доставляла значительную часть пропитания, но, помимо прочего, она была и одним из любимых занятий монголов, в том числе и богатых, которым голод никак не грозил. Она позволяла разнообразить пищу, а летом становилась главным источником пополнения мясных продуктов. Различалось несколько видов охоты, важнейшим из которых была облавная, о которой многократно упоминается в «Сокровенном Сказании». В облавной охоте принимали участие большие массы людей, и у каждого человека было строго определенное место. Особое значение такая охота приобрела в период походов Темучина-Чингисхана: благодаря ей войско получало необходимую свежую пищу, но, помимо этого, облавная охота являлась и великолепной тренировкой для воинов. Она была как бы войной в миниатюре, где место потенциальных врагов занимали звери.

Индивидуальная охота была не менее любимым занятием монголов: она считалась достойным делом для настоящих мужчин. Родовитые степняки очень уважали соколиную охоту; с соколом охотился еще прадед Чингисхана, сын «желтого пса» Бодончар. Хорошо обученные соколы ценились очень высоко, а охотники-соколятники были наиболее уважаемыми людьми. В то же время, наряду с этой благородной охотой, многие обнищавшие монголы вынуждены были заниматься жалкой охотой на степных грызунов – сурков-тарбаганов и полевых мышей, только чтобы не умереть с голоду. В трудные годы своей юности не брезговал этим не слишком почетным занятием и сам Темучин, который, кстати, был и хорошим рыбаком.

Лагерь кочевников. Старинный монгольский рисунок

Таким образом, монголов XII века нельзя назвать простыми номадами: они представляли собой особый тип кочевника-охотника. В этом они сближались со своими северными братьями-лесовиками. Что резко отличало степняка от лесного жителя – так это тип жилища. Об этом говорит и общее название монгольских степных племен: «поколение, живущее в войлочных кибитках». Основным видом «войлочной кибитки» была юрта, или гер.

Великолепное описание монгольской юрты оставил посланник французского короля Людовика Святого к монгольскому хану – Гийом де Рубрук. Воспользуемся его описанием, лучшим в исторической литературе. Итак, «дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей или порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей. И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в двадцать футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки двадцать два быка, тянущих дом, одиннадцать в ряд вдоль ширины повозки и еще одиннадцать перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков».

Эта картина относится к середине XIII века, то есть периоду наивысшего расцвета монгольской империи. Разумеется, в XII веке монголы были далеко не так богаты, тем не менее сам принцип устройства юрты за сто лет не претерпел особых изменений: возросли размеры, дороже стала отделка – но не более того. Заметим, что у поздних монголов (в том числе и современных) подобный тип юрты уже не встречается. Главное отличие заключалось в том, что древняя юрта была фактически неразборной и перевозилась в готовом виде на больших повозках. А это позволяло даже при постоянных передвижениях жить обычной жизнью. Современные монголы о колесных телегах совершенно забыли, их разборные юрты перевозятся как выючная кладь. А у монголов эпохи Чингисхана было два основных вида телег: один – уже описанный, применявшийся в равнинной степи, и второй – небольшая двухколесная крытая кибитка, которую использовали в малодоступных местах верховий Онона и Керулена. Такого рода кибитки в XII веке были буквально незаменимы: в условиях постоянных набегов монгольская семья должна была быть постоянно готова к бегству от врагов; группа же кибиток, составленных в кольцо, превращалась в своеобразную крепость. Впоследствии при грандиозных военных походах Чингисхана и его преемников войлочные кибитки приобрели еще большее значение.

Постоянная кочевая жизнь определяла у монголов и невысокий уровень собственного производства. Производилось только то, что требовалось для ведения кочевого хозяйства, охоты и войны. Фактически, в XII веке монгольское хозяйство было полностью натуральным: то, что производилось, на месте же и потреблялось. Каждый аил был самодостаточным: в нем делали юрты и повозки, необходимую одежду, посуду, разную хозяйственную мелочь. Здесь же изготавливалось снаряжение: седла, сбруя, лук и стрелы, панцири из твердой кожи и так далее. Однако уже в XII веке мы видим, особенно в больших куренях, первичное разделение труда. Обособляются опытные кузнецы и плотники; даже для повседневной работы выделяются лучшие специалисты, постоянно занимающиеся знакомым делом – изготовлением стрел, приготовлением кумыса и так далее. Так, например, знаменитый спаситель

Темучина – Сорган-шира – специализировался у тайджиутов в приготовлении кумыса; отец Темучиновских соратников Джелмэ и Субэдэя был известным кузнецом. Наблюдаем мы в это время и первые зачатки торговли. С юга, от оседлых народов, к монголам привозили зерно и муку, оружие, различного рода ткани. Но до начала XIII века роль торговли была еще очень незначительной.

Монгольский «гер» (юрта)

Любопытно распределение обязанностей в монгольской семье. Ведение домашнего хозяйства лежало в основном на женщинах. Они занимались приготовлением повседневной пищи, делали масло и хурут, выделывали шкуры и сбивали войлок из шерсти, шили одежду и обувь. Кроме того, в обязанности женщин входило изготовление юрт (за исключением необходимых плотницких работ); они же ставили юрты на повозки и снимали их, а во время перекочевок правили этими повозками. Но не нужно думать, что мужчины с удовольствием перекладывали всю тяжелую быденную работу на женщин, а сами занимались только охотой и присмотром за конскими табунами. Мужские обязанности тоже были довольно велики. Мужчины изготавливали самые повозки и основы для юрт, делали всю необходимую сбрую и седла, производили оружие. В их обязанности входили также дойка кобыл и чрезвычайно трудоемкое приготовление кумыса. Дойкой других животных занимались как мужчины, так и женщины. Мальчики часто занимались рыбной ловлей, менее трудной и опасной, нежели охота, а маленькие дети помогали женщинам собирать съедобные корешки, орехи и ягоды. Так что все были при деле, и вряд ли кто-то чувствовал себя ущемленным. Вообще роль женщин у монголов была достаточно велика, они пользовались немалым уважением, а в случае смерти мужа делались главами семей – по крайней мере, до женитьбы старшего сына. Позднее вдовы умерших ханов становились полноправными регентами – иногда на довольно длительный срок. Но это уже больше относится к сфере обычаев, и нам пора перейти к описанию очень непростых племенных, родовых и семейных отношений, которые существовали у монголов в XII веке.

* * *

Родоплеменные отношения у монголов отличались исключительной сложностью, которая до сих пор не разрешена современными исследователями. До сих пор не имеется более или менее единой точки зрения на сущность монгольского родового строя. Попробуем все же в меру возможностей рассмотреть эту запутанную проблему.

Главным элементом монгольского общества XII века являлся «обок» (род) – то есть особого рода союз кровных родственников с господствующим принципом патрилинейности (от отца к сыну): то, что называют еще отцовским родом. Монгольский род был экзогамным: члены одного рода не могли вступать в брак с девушками того же рода. Изначально у каждого рода имелся единый предок-основатель. Все эти основные принципы свойственны практически любой известной нам в истории патриархальной родовой общине – будь то индейцы Америки, германцы времен Тацита или шотландские горцы XVII века. Но у кочевых народов, в частности, у монголов, родовый строй имел ряд особенностей, которые вызывали и вызывают у исследователей монгольского общества серьезные трудности в интерпретации и осмыслении фактов монгольской истории, в том числе и весьма немаловажных для понимания феномена монгольской империи Чингизидов. До сих пор не существует по-настоящему полной и точной, лишенной внутренних противоречий теории, которая объясняла бы сущность родового строя монголов. Наиболее проработанная и яркая концепция принадлежит перу выдающегося русского историка Б.Я. Владимирцова, автора книги «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», но и она не лишена серьезных недостатков и противоречий.

Музыканты на пиру. С картины Б. Шарава «Праздник кумыса»

Главная трудность заключается в том, что монгольский «обок» был очень многоплановым понятием, включавшим в себя элементы и родового, и неродового строя. Кроме того, помимо обоков, существовали и другие родовые структуры: «ирген» (племя) и «ясун» (кость). При этом отнюдь не имелось какой-либо жесткой конструкции наподобие европейской: большое эндогамное племя – экзогамный род – большая семья (кость). У монголов роды разветвлялись чрезвычайно активно, новые обоки возникали постоянно. При этом обок мог быть частью племени (ирген), но само племя было частью большого обока. Ясун был и частью рода, и сам мог включать в себя немало родов. Еще следует учитывать, что монгольский род находился в стадии разложения, существовала масса явлений, выходящих далеко за рамки чисто родовых отношений: институт богольства (формально – «рабства», на самом же деле куда более сложное и многоплановое понятие), нукерство – то есть подчинение не роду, а отдельному вождю, часто даже не главе рода; наконец к XII веку четко оформились две группы: «нойят» – родовая знать и «харачу» – «черная кость», простонародье. Само понятие «уруг» – родовичи, члены кровно-агнатного³¹ рода – было сильно размыто. Многие роды были рассеяны, кочевали в составе чужого рода («дждад»), некоторые

³¹ Агнатный – ведущий происхождение от общего предка.

родственные группы одной частью рода признавались «уруг», в то время как другая часть считала их «джад». Таким образом, сформировалась система, которая представляется чрезвычайно сложной для современного человека. Между тем для монголов XII века – заметим, сплошь неграмотных и необразованных – понимание этой системы особых трудностей не представляло, в ней «всяк сверчок» действительно «знал свой шесток».

И здесь – место для небольшого авторского отступления. В ходе работы над этой книгой мне не раз приходилось сталкиваться с разного рода фактами, противоречащими теориям родового строя, разработанным европейскими историками. Таково, например, известное обращение Темучина к своему названому брату Джамухе: «Мы с тобой одного рода-племени», между тем как Джамуха принадлежал к племени джаджират (джадаран), которое даже не всегда относили к ветви нирун из-за сомнительности происхождения. Можно удивляться и небывалой численности рода Джурки, хотя во времена Темучина джуркинцы представляли собой только второе-третье поколение, считая от отца-основателя рода. Или странная путаница с родом борджигинов, к которым относят то всех потомков Бодончара, то только новый род Есугэй-багатура, отца Темучина. Между тем монголы, по крайней мере, если верить «Сокровенному Сказанию», принимают эти и другие подобные факты как должное, не давая им объяснений: вероятно, и потому, что для монгола здесь пояснений вовсе не требовалось. Тогда мне и стало очевидно, что для ясного понимания монгольского общества следует понять монгольскую точку зрения, поставить себя на место монгола XII века. Суть метода: раз монголы в родовых отношениях не видели противоречий, значит – их не было; раз мы (европейцы) противоречия видим – значит, не понимаем неких важных элементов монгольской психологии. А это, в свою очередь, означает, что надо найти неизвестное нам звено в менталитете средневекового монгола, которое позволило бы встроить противоречивые факты в единую логическую цепь. Результатом этих поисков и стала гипотеза, которая, как мне кажется, позволяет точнее понять суть монгольского родового общества, лучше разобраться во многих побудительных причинах действий монголов той эпохи, включая и самого Чингисхана.

В основе этой гипотезы лежит предположение, что фундаментальным для монгола являлся не собственно кровнородственный принцип, а культ отца-основателя рода. Разумеется, кровнородственные связи учитывались и сами по себе, но главной была именно фигура родооснователя. Выше уже упоминалось, какое огромное значение уделяли монголы своему происхождению, прослеживая свою генеалогию до десятого и более колена. Каждый монгол мог перечислить длинный список своих предков, вплоть до праматери Алан-Гоа или даже дальше. Но даже самые простые математические подсчеты показывают, что сотни тысяч(!) монголов-нирун просто *не могли* быть прямыми потомками Бодончара. Значит, и род Бодончара *не мог быть только* кровнородственным. И, следовательно, родовичами (уруг) было *все* окружение Бодончара – его слуги, его пастухи, его родные и приемные дети. Все они в целом составили род, и потому потомок *приемного* сына Бодончара Джадарадая, уже известный нам Джамуха, и был «одного рода-племени» с Темучином. В сущности, кровнородственными узами были связаны только прямые потомки вождя, впоследствии составившие родовую аристократию. Остальные члены рода группировались вокруг основателя (и, весьма возможно, только им самим и определялись как уруг), не будучи родственниками в собственном смысле этого слова.

Вторая важная составляющая заключается в том, что *каждый* прямой потомок основателя рода по мужской линии мог выделиться из первичного рода и основать свой собственный. Те, кто отделялся, становились основателями новых родов, со всеми вытекающими отсюда последствиями. По отношению к первичному роду (и только в этом смысле) они составляли кость – ясун, но в то же время являлись абсолютно полноценным родом – обок, из которого, заметим, позже могли формироваться другие, тоже самые настоящие роды, кото-

рые становились костью для рода-прародителя. Так что кость (ясун) в этом смысле была и одной из частей предшествующего рода, который, кстати сказать, сохранял свое существование, и сама составляла группу родов. При этом, если можно так выразиться, «в юридическом смысле» все роды были равны и каждый обок обладал теми же возможностями, что и его предшественник. Конечно, такое выделение новых родов было возможно только в процветающих, многолюдных общинах, которым уже становилось мало выделенного кочевья-юрта. Таким образом, появление новых родов носило постоянный характер. Интересно, что в этой связи неправильным было бы выражение «род Чингизидов», так как сам Темучин никогда не выделялся из рода своего отца, составляя вместе с братьями и огромной массой включенных в род людей обок Кият-Борджигин. Основателем рода в монгольском смысле этого слова был Есугэй, так что вернее будет называть его членов Есугидами. Чингизидами их сделало дальнейшее развитие событий, связанное с распадом общинно-родовых отношений и установлением государственности.

Если развивать высказанные идеи дальше, становится понятным, как молодой род Джурки стал таким многолюдным; как род Тайджиут (его чаще называют племенем или даже союзом племен, что, в принципе, неверно) через сорок-пятьдесят лет после своего отделения мог выставять против врагов многотысячные армии. Членами нового рода становились все, выделившиеся вместе со своим вождем, за исключением тех, кто уже был... членом другого рода (хотя в этом случае, наверное, правильнее говорить о своеобразном «двойном гражданстве»).

Теперь осталось выяснить еще одно важное общественное понятие: что представляло собой в монгольском родовом обществе племя – «ирген». Уже ясно, что к привычному для нас представлению о племени как эндогамном объединении нескольких разных родов монгольский термин «ирген» отношения не имеет. В наших источниках он выглядит как бы «плавающим», относясь то к роду, то к его части, то к группе близкородственных обок. Основываясь на письменных источниках, четкого разделения провести невозможно – взять хотя бы те же расхождения в оценке тайджиутов. Однако, если опереться на изложенную выше теорию, можно попытаться определить, в каких случаях монголы применяли понятие «ирген» по отношению к определенной группе людей, а в каких объединения с одинаковым названием (тайджиут, барлас, баарин) объявлялись «обоком» или «ясуном».

Если принять во внимание монгольский менталитет той эпохи, в котором находилось место для четкого структурирования родоплеменных отношений и безошибочного осознания своего места в них, то станет ясно, что для монголов «ирген» и «обок» никак не могли быть идентичными, хотя и имели одинаковое этническое название. А исходя из этого, весьма вероятно предположить (и это подтверждается косвенными данными источников), что понятие «ирген» применялось *только к союзу* более или менее равноправных родов – причем, как правило, близкородственных. При этом союз получал название от доминирующего рода, но другие обок этого объединения сохраняли родовую «юридическую» самостоятельность. То, что для монголов ирген мог иметь именно такое значение, вполне укладывается в историю уже не раз упомянутого рода тайджиут. В «Сокровенном Сказании» очень определенно указано, что этот род основал средний сын знаменитого Хайду, Чарахай-Линху. Этот Чарахай был отцом злосчастливого Амбагай-хана, убитого чжурчжэнями незадолго до рождения Темучина. То есть этот род был молодым, но очень влиятельным. У Рашид ад-Дина же по поводу тайджиутов приводятся две противоречащие друг другу версии: одна совпадает с уже приведенной, по другой основателем тайджиутов был правнук Бодончара, Начин-багатур, живший едва ли не столетием раньше Амбагай. Но, по «Сокровенному Сказанию», от Начина ведут свое происхождение роды урутов и мангутов, всегда строго сохраняющие обособленность от тайджиутов. Однако мы уже знаем, что один человек не мог основать два рода, а следовательно, уруты и мангуты могли быть только родами, *выделившимися* из рода

отца. Но сам изначальный род Начина при этом продолжал существовать, хотя, видимо, и ослабел после разделения. Вот этот род (так и назовем его «начин») и вступил в союз с родственными ему тайджиутами, причем как равноправный член объединения, а не на условиях подчинения. Так и возникает особого рода структурная единица, которую монголы называют «ирген». По имени более сильного и влиятельного союзного рода это племя также получает название тайджиут, но родовое деление внутри образованного племени сохраняется.

То, что монгольские племена-ирген могли образовываться именно таким путем, подтверждается и другими довольно многочисленными данными источников. Более того, из этих же сведений можно сделать вывод, что в подобный союз могли входить не два, а несколько – может быть, и десяток – внутренне независимых родов-обоков, так что собственно обок с тем же номинальным названием в результате составлял лишь небольшую часть объединения-ирген. В то же время нужно отметить, что и ирген в целом, поскольку был союзом близкородственных обоков, сам составлял лишь часть более древнего рода и был по отношению к нему лишь ясуном-костью. Так, все потомки Бодончара формально составляли единый экзогамный род Борджигинов (не путать с кият-борджигинами – Есугидами), в котором десятки огромных племен были только ясунами.

Таким образом, официально все потомки Бодончара составляли гигантский род, включавший в себя едва ли не половину монголов. Браки внутри этого рода категорически запрещались, так как все его члены считались кровными родственниками. Эта довольно экстремальная ситуация привела к очень серьезным последствиям для монгольских обычаев. Поскольку сотни тысяч соседей считались близкими родичами, то для того, чтобы жениться, монголу приходилось порой предпринимать грандиозные тысячекилометровые путешествия. Разумеется, в такой обстановке не мог не расцвести такой позорный обычай, как умыкание невесты, а то и жены от живого мужа. И множество страниц в «Сокровенном Сказании» посвящены подобным инцидентам и связанным с ними порой грандиозным последствиям.

К чести монголов, нужно сказать, что этот не красящий их обычай не стал основным способом заключения брачных отношений. Гораздо чаще все проходило вполне мирно, по взаимному согласию... родителей жениха и невесты. Впрочем, мнение молодых, по-видимому, тоже учитывалось, и нам известен по крайней мере один случай, когда будущий зять еще в юном возрасте долго жил в семье потенциального тестя, привыкая к своей невесте. Этим мальчиком был Темучин. В этом же случае мы наблюдаем давно установившийся обычай брать невест в какой-либо род из одного и того же рода. Мужчины из этих родов называли друг друга «сватами». Именно так обращается отец Борте, Дай-сэчен, к Есугэй-багатуру уже при первой их встрече, когда о самом браке детей еще и речи не шло.

При заключении брачного договора обычным был обмен дорогими подарками. Рашид ад-Дин и Рубрук утверждают, что женихи платили за невест калым, причем иногда огромный – стадо овец или коней. Точно так же невеста должна была преподнести своей свекрови очень дорогой подарок.³² Однако в понимании монголов это никак не считалось куплей-продажей, а воспринималось как знак взаимного уважения родителей, воспитавших таких хороших детей. Калым был не платой за невесту, а уважительным подношением свата новому родичу; подарок невесты своей свекрови шел от лица невестинной матери. В итоге происходил некоторый обмен ценностями, и кто-то мог остаться в выигрыше; но в целом, вероятно, этот своеобразный «бартер» был достаточно адекватным и представлял собой своего рода суррогат торговли. Отметим, к слову, что подарки дарились также молодым на свадьбу, и на рождение ребенка, и по некоторым другим поводам. И чем влиятельнее и родовитее был

³² Есть сведения и о выплате приданого, но очевидно, что в XII веке этот обычай еще далеко не сформировался. Гораздо вероятнее его позднее заимствование у более развитых народов.

одариваемый, тем богаче должны были быть и подарки, ибо главное в подарке – уважение; так что бедное подношение уважаемому члену рода могли расценить и как завуалированное оскорбление.

Блюдо из дерева

Здесь самое время перейти к тем важным категориям монгольских обычаев, которые выходили за рамки сугубо родовых отношений, – точнее, были верным показателем того, что в XII веке монгольский родовой строй находился уже в процессе разложения. Это вопросы собственности и наследования, имущественного и правового неравенства, взаимоотношений вне родовых социальных групп нового типа.

Крупнейшим противоречием, во многом определившим особенности общественной жизни монголов, была двойственность в отношениях собственности. Земля или место для кочевья (то есть юрт или, по-монгольски, «нутуг») была сугубо родовой собственностью. Род владел своим юртом из поколения в поколение, и эта земля была неотчуждаемым владением до тех пор, пока существовал сам род. Известен случай, когда земля по-прежнему оставалась родовой собственностью, хотя сам род здесь давно уже не кочевал. Речь идет о знаменитой горе Бурхан-Халдун, которая вместе с окрестностями находилась в родовой собственности у племени урянхатов. На практике же она была почти ничейной землей, так как урянхаты кочевали далеко к северу от нее. Поэтому предгорья Бурхан-Халдун стали Меккой для многих изгоев, лишенных родовых земель по закону или по праву силы. Именно у этой горы прошли отрочество и юность Темучина; густые заросли на ее вершине не раз спасали его от врагов, и не случайно впоследствии Чингисхан превратил ее в священную гору

монголов. Но хотя Кият-Борджигины и пользовались этими землями как собственным кочевьем, формально она оставалась землей урянхатов. И даже через десятилетия после смерти Чингисхана эта священная для всех монголов гора охранялась тысячей воинов из урянхайского племени. Никто другой не мог ступить на эту землю без их позволения. Так что даже и в сильном феодальном государстве земля еще долго сохраняла все признаки родовой собственности.

Совсем иначе обстояло дело с остальным, помимо земли, имуществом монголов. Все его составляющие – скот, юрты, повозки, оружие и предметы обихода – находились в индивидуальной или, по крайней мере, семейной собственности. Каждая семья, каждый отдельный аил обладали индивидуальным имуществом, которым безраздельно распоряжался глава семьи, а в случае его смерти управление собственностью переходило к вдове – до того времени, пока сыновья не женятся. Однако и при женитьбе сыну отдельная доля выделялась, только если он хотел кочевать собственным аилом. Окончательно семейное достояние делилось сыновьями после смерти родителей. Примером этому может послужить, в частности, раздел собственности сыновьями Алан-Гоа после ее смерти. До этого имущество семьи было единым, хотя Добун-Мерген к тому времени уже лет двадцать как лежал в могиле. Примечателен и сам этот раздел: четыре старших брата поделили все между собой, оставив младшего, Бодончара, ни с чем. Между тем у монголов в ходу был обычай, по которому младший сын получал основное имущество отца – разумеется, после выделения доли старших братьев. Ему доставалась юрта отца и вся его личная собственность (включая и собственность всех отцовских жен). Поэтому к имени младших сыновей прибавлялось еще и прозвище «отчигин», то есть «хранитель» или «владыка домашнего очага». Между прочим, отсюда можно сделать и вывод, что главным в этой ситуации были не столько имущественные отношения, сколько желание сохранить некое семейное единство. Из некоторых, пусть и не совсем ясных, намеков наших источников можно заключить, что младший сын редко участвовал в войнах и набегах, которыми активно занимались его старшие братья. «Отчигины» были именно охранителями отцовского юрта, несли ответственность за жизнь и имущество всех, кто оставался дома. Это, по-видимому, являлось одновременно и страховкой на случай гибели старших братьев в непрерывных степных войнах; род отца продолжал находившийся в относительной безопасности младший сын. И, во всяком случае, у нас нет оснований утверждать, что младший всегда получал большую часть доли: более того, есть точные сведения, что зачастую все происходило совершенно иначе.

Так, например, случалось, если сыновья не выделялись в отдельные аилы, а продолжали кочевать совместно, даже после образования собственных семей. При подобном развитии событий роль главы семьи, как правило, переходила к старшему женатому сыну, и именно он распоряжался семейным имуществом. Как раз такой случай мы наблюдаем в роду Кият-Борджигинов, где после смерти Есугэй-багатура главой рода вначале стала его вдова Оэлун, а затем, после женитьбы Темучина, власть в роду перешла к нему. Впрочем, стоит сказать, что, по всей вероятности, четкого закона на этот счет не было, и многое зависело как от личных качеств наследников, так и от общей ситуации. В конце концов, семья Есугэя не разделилась на отдельные аилы главным образом в силу собственной бедности и невозможности выделить сыновьям достойные доли, имея которые, они могли бы уверенно вести самостоятельное хозяйство.

В целом установившаяся у монголов двойственная, родовая и личная (семейная), система собственности не могла не привести к возникновению неравенства. Причем это неравенство также было двух типов, сообразно отмеченным имущественным моделям. В родовой схеме собственности однозначные преимущества получал глава рода, а также его прямые потомки по мужской линии. Эти преимущества могли, конечно, отражаться и на личном богатстве, но в первую очередь они давали привилегии в правовом отношении. Лич-

ная же собственность вела к росту сугубо имущественного неравенства, то есть к появлению богатых и бедных. А этот процесс раздробления монгольского общества в XII веке зашел уже достаточно далеко. Аильный способ кочевания, хотя и серьезно сдерживаемый постоянными войнами и набегами, все же способствовал накоплению богатств у отдельных людей или семей. Подобные примеры приводятся в «Сокровенном Сказании»: первый нукер³³ Темучина, Боорчу, происходил из богатой семьи; отец Боорчу, Наху-баян, был из захудалого рода Арулат, сам кочевал отдельно от родичей – а значит, не относился к родовым лидерам, однако его личное богатство было немалым, о чем ясно говорит Темучину сам Боорчу. В другом отрывке служанка Оэлун, застигнутая врасплох меркитским набегом, говорит, что она, будучи сама из дома Темучина, ездит по чужим богатым юртам стричь овец. То, что ее слова были неправдой, ничего не меняет: меркиты поверили ей, следовательно, такой способ существования уже считался в монгольском обществе нормальным. Личным богатством отличались и выделявшиеся из общей массы профессионалы-ремесленники, особенно кузнецы; таким был Джарчиудай, отец ближайших сподвижников Чингисхана – Джелмэ и Субэдэй-багатура. Он тоже явно не принадлежал к родовой знати, однако мог себе позволить сделать поистине царский подарок Есугэй-багатуру по случаю рождения старшего сына – детские пеленки на собольем меху.

Однако личное богатство или бедность все же с точки зрения тогдашнего монгола были делом отнюдь не главным. Куда более важным считался вопрос происхождения. Прямая мужская линия наследования от Бодончара, а еще лучше – от первого общемонгольского хана Хабула значила гораздо больше, чем владение табуном коней. Как раз поэтому богатый наследник Боорчу стал нукером нищего как церковная мышь Темучина, а вовсе не наоборот. Таким образом, уже в XII веке формируется особый слой монгольского общества – степная аристократия, или «нойт». Эта родовая знать могла быть в имущественном отношении богатой или бедной, но у нее уже в достаточной степени сформировалось чувство сословного единства. «Нойт» четко отделяли себя от простого народа, который назывался «харачу» («черная кость»). Знатные родовичи пользовались неотчуждаемыми привилегиями вне зависимости от своего материального положения: например, только из их среды могли выбираться военные вожди и ханы. С другой стороны, степные аристократы-нойоны должны были блюсти собственное достоинство, как бы это ни было трудно: они не должны были идти в услужение к богатым родовичам или заниматься неподобающим для нойона делом, хотя бы оно и было экономически выгодным. Это напоминает гордую спесь французских или русских дворян. Гигантская имущественная пропасть разделяла захудалого русского владельца трех крестьянских дворов и блестящего вельможу двора Екатерины II. Однако они осознавали себя привилегированным единством, и в этой обособленной группе не было места ни купцу-миллионеру, ни разбогатевшему промышленнику родом из крепостных крестьян. Так, в известной степени, обстояло дело и у монголов.

³³ Нукер: буквальный перевод с монгольского – «друг», соотв. «нукуд» – «друзья», «дружина». Понятие, аналогичное древнерусскому княжескому дружиннику или гетайру (греч. «друг, товарищ») Александра Македонского.

Сосуд для кумыса из Сарай-Берке

Что касается «харачу», или простонародья, то к их числу, видимо, относились как свободные общинники, так и вольнонаемные слуги. Они занимали подчиненное положение в племени и роде, служить могли только рядовыми воинами или десятниками, часто работали на родовую знать и, во всяком случае, были обязаны выполнять распоряжения нойонов. В то же время, их положение никак нельзя сравнить с состоянием крепостных крестьян. «Черная кость», приниженные, простые, но, тем не менее, считающиеся свободными людьми; таким было их положение, по крайней мере, в XII веке (позже власть аристократии значительно возросла). Но все же харачу не входили в чрезвычайно многочисленный, своеобразный и противоречивый институт богольства, который являлся весьма важной составной частью монгольского общества и пронизывал буквально все поры степной социальной жизни.

Слово «богол» в буквальном переводе означает «раб», но с подлинным рабством, в общепринятом понимании этого слова, богольство не имеет ничего общего. Разные группы боголов имели различные приставки-определения к общему понятию богольства: утэгу-боголы («древние рабы»), отоле-боголы («простые рабы»), онгу-боголы (можно перевести как «рабы духов» или даже «божьи рабы»). К сожалению, с последним термином связана довольно серьезная путаница, которая, увы, была подкреплена авторитетом выдающегося

исследователя монгольского родового общества, Б.Я. Владимирцова, и с тех пор прочно заняла место в монголоведческой литературе. Поскольку сам академик построил на этом целую теорию степного богольства, лучше начать с рассмотрения именно этой коллизии.

Дело в том, что Б.Я. Владимировым при описании монгольского института богольства был использован термин «унаган-богол», что можно было бы перевести как «родовой раб» или, точнее, «раб, передающийся в роду из поколения в поколение» – то есть, фактически, наследственное рабство одного рода у членов другого рода. Между тем, сам этот термин не применялся в монгольском языке того времени и является следствием лингвистического недоразумения, основанного на разном прочтении другого названия, приводимого Рашид ад-Дином. Сам Рашид ад-Дин применяет два термина, близкие по звучанию, но обозначающие совершенно разные в юридическом отношении социальные группы. Одна именуется онгу-богол (в другом прочтении – аутку-богол), другая – утэгу-богол. К сожалению, в этой разнице не разобрались и российские переводчики труда персидского историка, которые смешали понятия онгу– и утэгу– в одно целое. Однако названия эти происходят от разных корней. «Онгу» – это единственное число от множественного «онгон» – «духи предков». Таким образом, «онгу-богол» – это «раб духа предка». Рашид ад-Дин определенно относит онгу-боголов к некой привилегированной группе, члены которой были ранее рабами и детьми рабов, но во времена Чингисхана некоторые из них «оказали ему похвальные услуги и приобрели (утвердили) твердые права». И с тех пор они нерушимо хранят свой путь онгу-богольства. В другом же месте Рашид ад-Дин выражается еще конкретнее, и, вероятно, из этого отрывка можно сделать ясный вывод о том, какие же именно права утвердили онгу-боголам за «похвальные услуги». Он пишет, что «Чингис-хан сделал онгоном одного человека из племени баарин, подобно тому, как делают онгоном коня и других животных, то есть никто не будет на него притязать, и он будет свободным и тарханом»³⁴. И действительно, обычай посвящать духам предков животных давно известен в этнографии – например, у северомонгольского племени бурятов. Животных, посвященных онгонам, называли «онгу-мал»; простейшая языковая аналогия приводит нас к «онгу-богол» – то есть «раб, посвященный онгону» (а практически – раб, освобожденный от родового рабства и ставший свободным человеком – тарханом (дарханом). Таким образом, онгу-боголы – это освобожденные рабы, хотя Б.Я. Владимирцов полностью отождествляет их с унаган-боголами, основываясь на довольно сомнительных лингвистических построениях столетней давности, да еще сделанных непрофессионалом.

Внедренный российским академиком термин «унаган-богол», как уже отмечалось выше, не встречается в наших источниках и взят, по-видимому, из маньчжурского языка. В монгольском языке понятие «унаган-богол» отсутствовало, но сама система родового рабства существовала. Вот только именовались эти люди «утэгу-богол» – «древние рабы», и означало это отдельные обоки или ясуны, по тем или иным причинам покоровшиеся обоку-властителю. Признание своего зависимого положения могло быть и добровольным – по чисто экономическим причинам, то есть для спасения и выживания рода. Но чаще определение отдельных родов в утэгу-богольство происходило насильственным путем, в результате поражения этих родов в войне. Поскольку войны в степи были постоянным и самым обычным делом, то утэгу-боголами сильных обоков становились десятки и сотни ослабевших и рассеянных родов. Заметим, что от разгрома не были застрахованы и сами завоеватели, и это могло еще более усложнить схему, сделав ее двойной, а то и тройной: род, сам являющийся утэгу-богольским, мог иметь собственных утэгу-боголов, а те, в свою очередь – своих.

Вся эта система очень напоминает европейскую феодальную схему вассальных отношений и действительно иммет с ней много общего, хотя и различается в нюансах. Вообще

³⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. кн. 1. С. 188.

переводить слово «богол» как «раб» в корне неверно. Возможно, для Рашид ад-Дина, выросшего в атмосфере восточной деспотии, в которой все подданные считались рабами монарха, подобное осмысление этого термина было нормальным. В монгольской же реальности утэгу-боголы пользовались значительной личной свободой, полностью сохраняли свое имущество, использовали, за малым исключением, основные результаты своего труда. К тому же они находились в подчинении не у одного человека, а у целого рода и при этом сами не теряли родовых связей между собой. Их быт почти ничем не отличался от быта владельческого рода, а главной обязанностью по отношению к владельцам была вполне посильная мирная или военная служба. При этом вожди утэгу-богольских родов по положению мало отличались от аристократов-нойонов и свысока смотрели на чернь-харачу, даже если она происходила из владельческого обока.

Иным было положение другой богольской группы – «отоле-богол», или «простых рабов», которых еще называли «джалаху» – «молодцы» (у монголов XII – XIV веков это слово применялось именно в значении «раб, служитель, прислужник»). По своему имущественному и социальному положению эта категория приближалась к харачу, но была обязана служить своим владельцам, обычно в качестве пастухов, конюхов или домашней прислуги. У отоле-боголов, однако, было и собственное имущество и относительная свобода в быту. И все же, если говорить о термине «раб» в современном понимании, то отоле-боголы и джалаху были наиболее близки к такому положению.

Вообще институт богольства являлся безусловным следствием разложения родовых основ монгольского общества. Во многом именно он стал в дальнейшем социальной основой раннефеодальной империи Чингисхана.

В заключение – несколько слов о специфической группе обычаев, связанных с религиозными воззрениями монголов. Следует сказать, что в религиозных вопросах монголы были весьма терпимыми, если не сказать равнодушными. Их главным божеством было Вечное Синее Небо – Тенгри. Именно к нему возносились молитвы простых монголов и камлания шаманов. Но эту свою веру монгольские племена никому не навязывали и сами с большим уважением относились к религиозным верованиям других народов. Некоторые народы монгольского языка – кераиты, найманы – были христианами несторианского толка, а большинство кара-китаев склонялось к исламу. Чистокровные же монголы-нирун уделяли духовным вопросам немного внимания, оставляя все непонятное на усмотрение шаманов. Шаманы обладали немалой властью, но она значительно уступала власти нойонов и тем более ханов. У нас имеются также сведения о жертвоприношениях, производившихся главой рода, и о специфическом наказании в виде отстранения от родовых жертвоприношений. Выше уже говорилось о вере в онгонов – духов предков, но существовали и более крупные божественные фигуры, помимо верховного божества Тенгри: например, Земля-владычица – Этуген, или бог войны Сульдэ, получивший особую известность во время походов Чингисхана.

На этом можно и завершить затянувшийся рассказ об обычаях монгольского народа и, наконец, перейти к описанию жизни и деяний Потрясателя Вселенной – Чингисхана.

Глава 4

Рождение Темучина

Попробуем начать так, как и положено приступать к жизнеописанию знаменитых людей. Итак...

Жарким июньским днем 1162 года в глухом северном углу монгольской степи, в урочище Делюн-Болдох на правом берегу Онона, что в восьми километрах к северу от современной монгольско-российской границы, родился маленький мальчик. Через полвека имя этого ребенка со страхом или почтением будут называть миллионы людей из числа покоренных им народов, но пока у новорожденного нет имени, ибо отец мальчика, могучий монгольский вождь Есугэй-багатур, владыка сорока тысяч кибиток, еще не вернулся из похода на извечных врагов – татар. Вскоре он вернется, ведя на аркане дюжего татарского нойона Тэмуджина-Угэ, и по старому монгольскому обычаю первенец Есугэя получит имя Темучин (Тэмуджин) – и в память об этом событии, и в знак принятия силы от могучего воина. Младенец родился, сжимая в правой руке сгусток крови, словно сама судьба уже при рождении определила ему участь кровавого властителя народов. Через сто лет его потомки будут владеть двумя третями всего известного мира, а сейчас, летом 1162 года, младенец лежит в люльке и улыбается своей матери Оэлун...

А теперь, после столь колоритного начала, прервем наше повествование о будущем великом хане монголов и обратимся к целому вороху исторических проблем, не решенных по сию пору, которые лишь пунктиром обозначились в вышеприведенном прологе.

Хотя в этом рассказе о рождении Темучина *все может быть полностью верным*, однако, к действительно бесспорным фактам можно отнести лишь немногие. Родителями мальчика и в самом деле были Есугэй и Оэлун, назван он был и вправду в честь захваченного в плен сильного врага, наконец, о пресловутом сгустке крови, зажатом в руке новорожденного, упоминают едва ли не все наши источники. Но это, пожалуй, и все (кроме, разумеется, будущности Темучина-Чингисхана). Ни дата, ни место рождения будущего покорителя мира нам доподлинно не известны. Есугэй-багатур в одних источниках описан как вождь и владыка монголов, в других же он – не более чем удачливый степной разбойник, хотя и высокого рода. А между тем, от точных ответов на эти вопросы зависит очень многое: например, без четкого определения даты рождения Темучина практически невозможно восстановить хотя бы приблизительную хронологию монгольской истории накануне образования государства. Осознание точного места Есугэй-багатура в монгольской родовой и военной иерархии позволит лучше понять феномен возвышения самого Темучина. Даже локализация места рождения имеет немаловажное, хотя главным образом психологическое значение: конечно, Чингисхан был монголом, но на территории какой *современной* страны он родился – России или же собственно Монголии? Споры по этим и другим вопросам ведутся ожесточенные, однако сегодня накопленные знания в сочетании с логикой позволяют утвердить наиболее вероятную версию событий, связанных с рождением Темучина. Начнем по порядку, от простого к сложному.

Более простым, хотя бы в силу меньшей исторической значимости, представляется уточнение географического местоположения урочища Делюн-Болдох. Поскольку в самом названии присутствует понятие «низина», «болото», «комариная местность» – его сложно отнести к верховьям Онона, где рельеф более горист, чем, к примеру, в среднем течении. Да и упоминание об игре в алычки на льду Онона, когда Темучин был в одиннадцатилетнем возрасте, тоже скорее относится к более спокойному среднему течению реки, нежели к верховьям, где лед в силу быстрого течения менее крепок и, разумеется, опасен для дет-

ских игр. Так что нутуг Есугэй-багатура лучше искать там, где Онон выходит из пределов Хэнтэйского хребта. Именно здесь около ста лет назад русский исследователь Юренский и обнаружил урочище, которое местные буряты называли Делюн-Булдах. Сегодня это почти ненаселенная местность в двухстах километрах к югу от Читы, полностью соответствующая своему не слишком ласковому названию. Конечно с полной уверенностью утверждать, что это и есть место рождения Чингисхана, нельзя (а нынешние монголы вряд ли с этим согласятся, в отличие от их родичей-бурят), однако его надо признать наиболее вероятным. Возможно, российским или читинским губернским властям стоило бы поставить здесь какой-нибудь памятный знак с целью развития туристического бизнеса.

Поливная чаша из Сарай-Берке

Обратимся теперь к другой, более важной проблеме. Имеются в виду роль и место Есугэй-багатура в той своеобразной монгольской «табели о рангах», которая сложилась в третьей четверти XII века, после безвременной кончины Амбагай-хана и короткого правления сына Хабул-хана, Хутулы. Вопрос этот далеко не прост в силу значительного расхождения сведений источников; тем не менее, он вполне поддается анализу на основании имеющихся на сегодня данных.

После смерти, одного за другим, трех ханов монголов-нирун в среде родовой аристократии возникла весьма сложная династическая ситуация. Наибольшим прижизненным авторитетом пользовался первый из общемонгольских ханов – Хабул, победитель чжурчж-

эней, осмелившийся (причем безнаказанно) дернуть за бороду самого цзиньского императора. Однако ни один из семи его сыновей новым ханом не стал. Вероятно, это можно объяснить молодостью (на тот момент) ханских отпрысков, но главной причиной, безусловно, было отсутствие точных правил престолонаследия. Практика прямого наследования от отца к сыну отнюдь не господствует в родовом обществе. Более обычным для этого типа социальной жизни является так называемое «лествичное право», то есть переход власти к следующему по старшинству в роде. В то же время очень важное значение при передаче власти у восточных народов имеет завещание властителя. И надо сказать, что в пользу Амбагая перед смертью высказался сам Хабул-хан, что окончательно расставило все точки над *i* и, вместе с тем, предопределило будущую невеселую коллизию.

Дело в том, что после смерти Амбагая нового хана можно было выбирать как из потомков Хабула, так и из сыновей самого Амбагая, а последних, судя по монгольским источникам, имелось десять(!). И сам Амбагай-хан, перед смертью назвавший двух возможных наследников – собственного сына Кадана-тайши и Хутулу, сына Хабул-хана – невольно запутал ситуацию. Монголы избрали ханом могучего и веселого Хутулу, что, конечно, укрепило позиции потомства Хабул-хана, но отнюдь не устраняло сыновей самого Амбагая от возможного наследования престола. Положение еще более осложнилось тем, что серьезные претензии на власть предъявляли и потомки старших, с формальной точки зрения, родов, которые вели свою родословную от старших сыновей Хайду – авторитетного родового вождя, бывшего дедом и Хабула, и Амбагая³⁵. К таким потомкам относился, в частности, один из вожаков тайджиутов, Таргутай-кирилтух, племянник Амбагая. В целом количество степных аристократов, которые к моменту смерти Хутулы могли вполне законно претендовать на власть, вероятно, превышало несколько десятков человек. Есугэй тоже находился в этом списке, и далеко не в первых рядах, хотя, впрочем, и не в последних. В такой ситуации многое зависело от личных качеств и авторитета претендента, от его способности примирить эту массу амбициозных соперников. Что касается личных качеств, то тут Есугэй оказался на высоте; но лидером, способным укротить своим авторитетом спесивых претендентов, он, судя по всему, так и не стал.

Есугэй, бесспорно, был великолепным воином и, видимо, достаточно толковым военачальником, о чем свидетельствует и его специфическое прозвище «багатур», которое обычно присваивалось выдающимся степным витязям и военным вождям. Правда, к моменту рождения своего первенца он еще явно занимал подчиненное положение. В непрерывных битвах с татарами, последовавших за смертью Амбагай-хана, военачальником монголов был Кадан-тайши, которого также именовали и Кадан-багатур. Так обстояло дело и в приснопамятном походе, предшествовавшем рождению Темучина. Кадан пользовался немалым авторитетом, однако вскоре был отравлен кераитским Гурханом³⁶, дядей небезызвестного Тогрила (Ван-хана). Очевидно, это произошло почти в одно время со смертью Хутулы, ибо через короткое время был созван совет для определения нового монгольского лидера. Совет так и не смог остановиться на единой кандидатуре, хотя и определил довольно узкий круг претендентов, в котором на первых ролях выступали Есугэй-багатур – как военный вождь, и будущий злой гений Темучина, Таргутай-кирилтух³⁷ – как вождь родовой. Вплоть до смерти Есугэя этот властный конфликт так и не был разрешен; более того, из некоторых глухих намеков, имеющих в источниках, можно понять, что в последний год жизни Есугэя он серьезно обострился, что, возможно, послужило катализатором и всех позднейших событий. Но, во всяком случае, можно достаточно уверенно сказать, что Есугэй-багатур вряд ли был «властелином

³⁵ По Рашид ад-Дину, Амбагай был правнуком Хайду, а по монгольским источникам – внуком.

³⁶ В данном случае «Гурхан» следует понимать как личное имя, а не титул.

³⁷ Кирилтух – весьма «говорящее» прозвище, переводится как «завистник», «скупой».

сорока тысяч кибиток». Скорее, его следует назвать первым среди равных. На его авторитет работали воинские таланты и, в особенности, побратимство с могущественным вождем кераитов Тогрилом, которому Есугэй дважды помог вернуть утраченный было престол кераитского ханства. Против – сравнительно невысокое место в родовом старшинстве и почти очевидная слабость как политика. Пока Есугэй был жив, статус-кво сохранялся, но с его смертью хрупкое равновесие рухнуло, и его семья оказалась у разбитого корыта.

* * *

А сейчас наступило время обратиться к самой спорной и сложной проблеме. Это вопрос о дате рождения Темучина и тесно связанные с ним трудности в определении монгольской хронологии доимперского периода и тема так называемых «темных лет» – то есть, того промежутка в монгольской истории, который составляет, по разным оценкам, от десяти до восемнадцати лет, когда, если верить монгольским источникам, в монгольской степи не происходило абсолютно ничего. Нужно отметить, что этому предмету посвящены, в буквальном смысле, тысячи страниц в монголоведческих трудах, однако к общему мнению современным исследователям прийти так и не удалось.

Вся разногласия мнений и аргументов в целом сводится к трем основным датам рождения будущего «Потрясателя Вселенной» – 1155-й, 1162-й и 1167-й годы. Существуют, впрочем, и совсем фантастические – 1182-й и даже 1186-й годы, но такие датировки противоречат уже точно установленной хронологии и серьезными исследователями не рассматриваются. Что же касается трех указанных дат, то каждая из них базируется на своей группе источников, и полностью отвергнуть какую-либо из них не представляется возможным. Однако, если основываться на тщательном анализе всех фактов, приводимых источниками, включая и косвенные, можно определить *наиболее вероятную* дату рождения Чингисхана.

Начнем с самой ранней. Она базируется главным образом на свидетельстве Рашид ад-Дина, который утверждает, что на момент смерти (1227 г.) Чингисхану исполнилось семьдесят два года. Однако у самого же иранского историка в другом месте указана совсем иная дата – 1152 – 1153 годы. В то же время он уверенно заявляет, что будущий повелитель монголов появился на свет в год Свиньи, что соответствует 1155 году (или, что немаловажно, 1167 г.). С мнением Рашид ад-Дина, как крупнейшего авторитета, приходится считаться, но целый ряд обстоятельств делает его хронологию довольно сомнительной.

Конечно, следует обратить внимание на то, что у Рашид ад-Дина в «Сборнике летописей» имеется масса неточностей и *прямо противоречащих* друг другу фактов. Путаница в родственных и племенных связях, да и датировке событий в этом знаменитом труде присутствует постоянно. Примеров противоречивых данных буквально сотни (!), что в принципе только доказывает, что этот труд создавался несколькими людьми, использовавшими разные первоисточники, а Рашид ад-Дин был только сводчиком и редактором, хотя, несомненно, талантливым. Отсюда вполне логично сделать вывод, что один из «литературных негров» персидского визиря имел перед глазами документ, позволяющий отнести рождение Темучина именно к 1155 году. В XIV веке, когда составлялся «Сборник летописей», уже, разумеется, не оставалось прямых свидетелей. Нужно было опираться на письменные свидетельства современников Чингисхана. Между тем, в «Сокровенном Сказании», самом информативном источнике по раннемонгольской истории, к тому же написанном очевидцем, особо приближенным к Чингисхану, нет упоминаний о дате его рождения. Но все же одна такая датировка имеется в другом сочинении, написанном при жизни Чингисхана. Речь идет об отчете посла Сунской империи Чжао Хуна, уже известном нам «Мэн-да бэй-лу» («Полном описании монголо-татар»). Чжао Хун, ссылаясь на слова одного из главных военачальников Чингисхана, Мухали, пишет, что хан монголов родился в 1155 году. И с большой долей уве-

ренности можно говорить, что именно из «Мэн-да бэй-лу» рашид ад-диновский составитель и взял эту дату. Фактически, только у Чжао Хуна приводится этот год рождения. Но сегодня большинство исследователей относится к «Мэн-да бэй-лу» достаточно скептически. Масса сведений сообщаемых там, является прямой ложью или сборником нелепиц. Следует помнить, что Чжао Хун на деле выполнял и функции шпиона, что часто входит в обязанности послов. Монголы прекрасно об этом знали и потому постоянно скармливали «страшно далекому» от них конфуцианскому чиновнику разного рода дезинформацию, преследуя при этом свои цели. Никакой возможности перепроверить слова Мухали у Чжао Хуна не было, приходилось верить на слово. И таким образом, *единственным* реальным аргументом в пользу датирования рождения Чингисхана 1155-м годом являются слова умного монгола, обращенные к китайскому *шпиону*, к тому же совершенно не понимающему ни монгольского образа жизни, ни самих монголов. И, вполне вероятно, 1155 год стоит в одном ряду с массой других ложных сведений, которыми пестрят страницы труда Чжао Хуна. Можно, конечно, возразить, что для Мухали не было особого смысла лгать именно в этом вопросе, казалось бы, ничего не решающем, однако легко можно привести по крайней мере два соображения. Первое: Мухали по неким известным лишь ему причинам специально завысил возраст Чингисхана, зная, что сообщение об этом пойдет к сунскому императору. Скажем, для того, чтобы еще более подчеркнуть опытность хана как полководца. И второе: Мухали мог просто не знать настоящего возраста своего хана – а у монголов это было в порядке вещей, о чем, кстати, пишет и сам Чжао Хун – но, разумеется, он не мог признаться в этой своей неосведомленности послу китайского императора.

Таким образом, датировка Рашид ад-Дина, по-видимому, целиком базируется на этом *чрезвычайно ненадежном* свидетельстве китайского посла. И в этом смысле никак нельзя утверждать, как делают это некоторые современные исследователи, что дата рождения Чингисхана, приведенная в «Сборнике летописей», *подтверждается* данными «Мэн-да бэй-лу». Такое утверждение, выражаясь простым языком, ставит телегу впереди лошади. К тому же констатация Чжао Хуна противоречит другим, также китайским источникам, написанным с куда большим знанием дела и относящим рождение Чингисхана к 1162 году.

Важнейшим документом, дающим именно такую датировку, является знаменитая «Юань-ши» («Хроника династии Юань»). Она вообще представляет собой исключительно важный источник по истории монголов, во многом более точный и продуманный, нежели «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, хотя тоже не лишенный серьезных недостатков. Немаловажно и то, что «Юань-ши» создавалась на основе, вероятно, самой полной документации того времени, посвященной монгольским завоеваниям. Монгольские ханы – императоры Китая, начиная с Хубилая и вплоть до изгнания монголов в 1368 году, были самыми авторитетными из монгольских владык, а с 1260 года считались и великими ханами всего Йеке Монгол Улус. То есть они обладали наибольшими возможностями по сбору всех свидетельств возвышения монгольского имени, а с учетом огромного пиетета китайских чиновников к истории, вся эта документация еще и хранилась в образцовом порядке. Так что «Юань-ши» следует признать наиболее полным и объективным сводом сведений о монгольской империи и, в том числе, о ее первых ханах.

Так вот, в «Юань-ши» без каких-либо разночтений и противоречий утверждается, что Чингисхану в момент смерти было шестьдесят шесть лет. Если учесть, что в китайской, а позже и в монгольской традиции отсчет возраста идет с момента зачатия, а не появления на свет ребенка, мы и получаем твердую дату рождения первого великого хана монголов – 1162 год. Эта датировка встречается и в других китайских источниках, *предшествующих* написанию «Юань-ши». Можно назвать «Чжо-гэн лу» юаньского придворного историка Тао Цзун И, а также знаменитое китайское повествование о Чингисхане «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священо-воинственного», т.е Чингисхана), в которых эта

дата также подтверждается³⁸. Фактически, из всех китайских источников только вышеупомянутое сочинение Чжао Хуна дает иную датировку, что само по себе весьма показательно.

С датой рождения Чингисхана, определенной китайскими историками, полностью согласуются и данные, относящиеся к монгольской традиции. Сами эти произведения относятся к более позднему времени, чем «Юань-ши», но анализ важнейших сочинений – таких, как «Алтан Тобчи» и «Эрдэнийн Тобчи», доказывает, что их авторы имели доступ к уникальным первоисточникам. «Алтан Тобчи», принадлежащая перу Лубсан Данзана, вообще во многом дополняет главные наши источники, хотя, к сожалению, не указывает, откуда были взяты те или иные сведения. Именно в «Алтан Тобчи» приводится самая четкая датировка рождения Темучина: «в год Черной Лошади (то есть 1162 год), в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган». Трудно сказать, можно ли верить такой точно определенной дате; не исключено, что Лубсан Данзан дал здесь волю собственной фантазии. Но, как бы то ни было, это *единственная* конкретная дата появления Темучина на свет, приводимая в достойных доверия источниках. Кстати, косвенно ее подтверждает тот уже упомянутый факт, что Темучин родился, когда его отец возвращался из похода. В этом смысле летнее время более предпочтительно, так как монголы старались приурочить военные походы к поздней весне, когда степь зазеленеет и, отметим, полностью высохнет после весенних дождей. Конечно, подобного рода набеги могли проходить и в другие сезоны, но это случалось реже и, в основном, по необходимости.

Суммируя изложенное выше, приходим к выводу, что самая большая группа источников относит рождение Чингисхана к 1162 году. Видимо, эту дату и следует считать наиболее вероятной.

Что касается последней из возможных дат – 1167 год – то она основывается главным образом на том, что в конце оригинального списка «Шэнь-у цинь-чжэн лу» говорится, что Чингисхан умер в шестьдесят лет. Однако такое основание является более чем сомнительным, так как в том же сочинении ранее сказано, что в 1203 году Темучину был сорок один год. Столь явное противоречие с необходимостью подразумевает ошибку в одном из случаев. Куда более вероятно, что эта ошибка относится к концовке сочинения и вызвана, скорее всего, невнимательностью переписчика, просто пропустившего необходимый иероглиф. Однако некоторые исследователи пытаются все же отстаивать 1167 год, основываясь больше на собственных логических построениях, чем на данных источников. Для подтверждения этого используют даже указание Рашид ад-Дина, что Чингисхан родился в год Свиньи, а таковым после 1155 года был именно 1167-й. Между тем, как уже показано выше, сам Рашид ад-Дин вычисляет дату рождения из продолжительности жизни Чингисхана, основываясь на свидетельстве Чжао Хуна. То есть это уже само по себе логическое построение, возможно, кстати, связанное и с некоторыми элементами священного – ведь при этом получается, что Чингисхан прожил шесть полных двенадцатилетних циклов: оба эти числа в восточной традиции имеют безусловно сакральное значение. Так что эту, тем более опосредованную, опору на год Свиньи как дату рождения будущего повелителя Азии нельзя принимать всерьез. Иное дело, что 1167 год значительно лучше согласуется с дальнейшей жизнью Чингисхана, нежели 1155-й. Ведь если принять последнюю дату, то получится, что первенец Чингисхана родился, когда Темучину было двадцать девять лет, что представляется крайне маловероятным, особенно с учетом монгольской традиции достаточно ранних браков. Однако в этой связи заметим, что тогда 1167 год тоже не очень подходит, так как Темучин в таком случае слишком молод, тем более, что 1184 год является самой *поздней* возмож-

³⁸ В «Шэнь-у цинь-чжэн лу» говорится, что в 1203 году Чингисхану было сорок два года по китайскому счету или сорок один год по общепринятому. Однако в конце произведения, где говорится о возрасте Чингисхана в момент смерти, стоит иероглиф, означающий шестьдесят лет. Большинство историков сегодня считает, что это типичная ошибка переписчика, пропустившего еще один иероглиф, изображающий цифру «6».

ной датой рождения Джучи, а самой ранней будет 1182 год – то есть год, когда Темучин еще считался несовершеннолетним. Более того, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина говорится, что старшим ребенком Чингисхана была дочь, и значит, Джучи был первым сыном, но не первенцем как таковым. А это уже явно относит нас к самому началу 1180-х годов и само по себе наилучшим образом подтверждает, что в историческом, источниковедческом и даже биологическом плане наиболее приемлемой датой рождения первого владыки Великой Державы Монголов является 1162 год.

Чингисхан. Китайская миниатюра

Следует напомнить, что определение точной даты рождения Чингисхана важно не столько само по себе (но и это, конечно, имеет немалое значение, хотя бы в плане возможных юбилейных торжеств: 850-летие Чингисхана – серьезная дата), сколько в контексте уточнения монгольской хронологии в догосударственный период. Да и с самой обычной человеческой точки зрения немаловажно знать, было ли Чингисхану за пятьдесят, когда он был провозглашен великим ханом и начал свои великие преобразования, или же ему не было и сорока лет. Любому понятно, что у каждого возраста свои психологические отличия и, чтобы хорошо понимать логику исторических событий, надо четко представлять личность, которая эту историю творила, во всем ее своеобразии. Особенно это касается молодых лет Темучина, ведь именно в молодые годы личность подвержена наибольшим изменениям, и разница в

двенадцать лет здесь неприемлема. Портрет исторического деятеля должен быть по возможности точным, в противном случае даже само объяснение тех или иных исторических событий будет полностью неверным. Достаточно сказать, для иллюстрации этого положения, о знаменитой «Троянской войне на Селенге»³⁹. Две крайние даты приводят нас к тому, что Темучину было либо шестнадцать, либо двадцать восемь лет, когда его имя впервые прогремело по всей монгольской степи. Разница, понятно, колоссальная, к тому же подробно описанные события этой войны приобретают слишком уж разную окраску. По принятой нами датировке в это время Темучину был двадцать один год (или, возможно, двадцать лет), юношеская импульсивность уже осталась позади, но и осторожность матерого волка еще не пришла. И таких нюансов в ранней монгольской истории немало. Поэтому и в дальнейшем в этой книге монгольская хронология догосударственной эпохи основывается на определенной нами дате.

В завершение темы коснемся проблемы «темных лет» монгольской истории. Проблема эта не разрешена историками и по сей день. Заметим, что ни одна, даже самая поздняя из возможных дат рождения Чингисхана, ее не решает. Однако ранняя (1155 год) датировка увеличивает период молчания о деяниях Темучина едва ли не до двадцати лет с момента первого провозглашения его ханом, поздняя (1167 год) сводит его к восьмидесяти годам, но полностью это хронологическое затруднение не снимает. В той системе хронологии событий, которая далее будет применена в этой книге, это «время молчания» равно одиннадцати (или двенадцати) годам. Ясно, что в эти годы (ориентировочно, 1186 – 1197 гг.) какие-то события в монгольской степи происходили, но никаких сведений в источниках об этом нет. Особенно удивляет молчание «Сокровенного Сказания», которое самым подробным образом повествует о предшествующих и, наоборот, о последующих событиях. Об этих же годах – ни слова, словно бы упоминание о них было табу. Поневоле приходится задуматься, что же могло стать этому причиной. И здесь тоже помогает тщательный анализ источников. Во-первых, ряд авторов уверенно утверждает, что сама система табуирования в монгольском обществе существовала (например, после смерти младшего из сыновей Темучина и Борте, Тулуя, его имя стало запретным – то есть, его нельзя было произносить и, тем более, называть им детей). Известные нам табу все относятся к ханскому роду. Таким образом, можно предположить, что и «молчаливое десятилетие» имеет самое прямое отношение к хану монголов Темучину. Происходившее с ним в эти годы было объявлено «табу», и об этом запрещалось упоминать. Что же это могло быть? Вероятно, нечто такое, что далеко не красило великого основателя Монгольской империи. И кое-какие следы этого в источниках все же нашлись, хотя и отмеченные невнятно, скороговоркой. Так, в «Мэн-да бэй-лу» Чжао Хун пишет, что, по слухам, Чингисхан «в юности» более десяти лет находился в плену у чжурчжэней; Рашид ад-Дин упоминает о том, что в молодые годы Чингисхан трижды (!) попадал в плен к меркитам. Надо сказать, что чжурчжэньский плен достаточно вероятен, особенно в форме заложничества. Что же касается сугубо степных дел, то и такой вариант, в виде меркитского (или тайджиутского?) пленения вполне возможен. И, само собой разумеется, что этот достаточно позорный для великого хана отрезок жизни подвергся прямому запрету на упоминание, и в итоге остались лишь неясные слухи. Вероятно, Чжао Хун прав, говоря о более чем десяти годах плена. В таком случае именно на этот период падают «темные годы», и загадка монгольской истории находит свое разрешение.

А теперь, после уточнения датировок и хронологии, обратимся непосредственно к событиям жизни Чингисхана, начиная с его детства и до провозглашения его ханом монголов-нирун.

³⁹ Выражение Льва Николаевича Гумилева.

Глава 5

Детство и юность Темучина

О раннем детстве Темучина, до достижения им девятилетнего возраста, наши источники хранят молчание. Однако вполне уверенно можно говорить, что жизнь его в эти годы была довольно счастливой и обеспеченной, похожей на жизнь любого другого монгольского мальчишки из знатного рода. В три-четыре года он, как и положено, сел на коня, еще через пару лет – научился неплохо стрелять из детского лука-алангир. Не стоит, впрочем, думать, что он вел жизнь юного шалопая из богатой семьи и только носился в свое удовольствие по степи, да играл со сверстниками. Волевая и строгая Оэлун-эке отнюдь не собиралась растить бездельника. У каждого в семье были свои определенные обязанности, и Темучин очень быстро осознал, что его положение старшего сына не столько дает возможности для развлечения, сколько вынуждает его к выполнению долга.

А семья между тем разрасталась. Оэлун, несмотря на столь нетривиальный способ заключения брака, выбранный Есугэем, вполне смирилась со своим новым положением. Повлияло здесь и то подчеркнутое уважение, с каким относился к ней муж; несомненно, ей льстила и признанная всеми воинская доблесть и храбрость Есугэя; наконец, то высокое положение, которое занимал Есугэй-багатур среди монголов, не могло не тешить ее женское тщеславие. Сработал, вероятно, и известный принцип «стерпится-любится», и в семье воцарились мир и согласие. Один за другим рождались крепкие и здоровые дети: Джочи-Хасар, Хачиун, Тэмуге; на девятый год появилась и первая девочка – материнская отрада, Тэмулун. Сытая и налаженная жизнь, дом, полный детей, – что еще надо женщине? Вряд ли расстроило Оэлун и то, что вскоре Есугэй взял в дом еще одну жену, Сочихэл, от которой имел еще двух сыновей – Бектэра и Белгутэя. В конце концов, старшинство Оэлун никем не оспаривалось, ее дети считались выше по положению, да она и сама прекрасно понимала, что такой знатный нойон, как Есугэй, не может ограничиться одной женой, хотя бы из соображений престижа. Да и как личность, Сочихэл явно не выдерживала сравнения с Оэлун, которая уверенно держала бразды правления в доме.

Роль Оэлун в семье была тем более велика, что Есугэй постоянно пропадал в почти непрерывных военных походах на ненавистных татар и проводил в них куда больше времени, чем дома. Походы эти, правда, не всегда были успешными, но не раз и не два Есугэй привозил немалую добычу и пленников. Рос и его авторитет среди монголов. А около 1170 года (дата условна) Есугэй помог в борьбе за власть керайтскому хану Тогрилу, военной монгольской силой отстранив от керайтского престола его брата Гурхана. Этого Гурхана монголы не без оснований подозревали в причастности к отравлению своего любимого вождя Кадан-багатура, и его изгнание, несомненно, подняло славу Есугэя в монгольской степи буквально до небес. Разумеется, о подвигах своего отца хорошо знал и маленький Темучин, и конечно, он гордился таким родителем. Тогда же Темучин услышал и о том, что Есугэй-багатур и хан Тогрил стали кровными побратимами-аньдами. Такое родство с могучим керайтским ханом давало многое и, без сомнения, делало Есугэя главным претендентом на вакантный после смерти Хутулы ханский престол. Но столь быстрое возвышение, конечно, создало ему и немало врагов. Родовые вожди тайджиутов Таргутай-кирилтух и Курил-багатур использовали все свое влияние, чтобы ослабить позиции Есугэй-багатура и вызвать раскол среди его сторонников. Несомненно, что их деятельность имела определенный успех, что и показали позднейшие события. Однако уже и при жизни Есугэй-багатура в его нуте было далеко не все ладно. Возможно, раскол был внесен даже в самую семью прославленного воина; во всяком случае, существует вполне доказательная точка зрения,

что сводный брат Темучина Бектэр был «завербован» Таргутай-кирилтухом и стал тайджи-утским шпионом в доме Есугэя. Трудно сказать, насколько мог быть осведомлен о такого рода разногласиях совсем юный тогда Темучин, однако какие-то отголоски существующих трений до него, конечно, доходили. Монгольские дети взрослеют рано, а Темучин к тому же обладал живым умом и развитым воображением. И все же, пока был жив отец, детство Темучина вполне можно назвать безоблачным.

Музей Чингисхана в Эрке-Хара. Фотография 1956 г.

Есугэй же видел и знал, конечно, намного больше сына. В противостоянии с амбициозными родственниками ему требовалась поддержка других влиятельных монголов. Видимо, в этом контексте следует рассматривать и предпринятое им зимой 1171 – 72 гг. сватовство своего старшего сына Темучина (которому было всего девять лет) к дочери знатного хонгиратского нойона Дай-сэчена. Девочку звали Борте, она была старше Темучина на год, что совсем не смущало обоих родителей. В самом деле, Есугэй в результате этой помолвки получал имеющего немалое влияние в степи союзника, а Дай-сэчен («сэчен» – в переводе с монгольского – «мудрый») был счастлив породниться с прямым потомком Хабул-хана, кровным побратимом могущественного Тогрила.

Отцы сговорились быстро. Дай-сэчен без устали нахваливал свою дочь, но не забывал отпускать комплименты и своему свату, и его юному наследнику. По взаимной договоренности Темучин остался в юрте своего будущего тестя, чтобы ближе познакомиться с Борте. Пара бурдюков кумыса окончательно закрепила сделку, и наутро Есугэй-багатур отправился домой, перед отъездом подарив свату своего заводного коня. Лучше бы он этого не делал.

Путь до родного аила был неблизким – хонгираты кочевали далеко к югу от коренных монгольских земель. Устал Есугэй, устал и его конь, и потому, когда багатур увидел группу пирующих в степи кочевников, то, не раздумывая подъехал к ним. Законы гостеприимства у монголов святы, они обязывают накормить и приветить усталого путника. И только подъехав поближе, Есугэй по одежде понял, что перед ним татары. Тут бы ему и распрощаться с неожиданными попутчиками, но конь после долгой дороги совсем устал... А заводная лошадь осталась у Дай-сэчена. И Есугэй махнул на все рукой, тем более, что татары никак не показали, что узнали своего старого врага. Есугэй поужинал с ними, а утром уехал. В дороге он почувствовал себя плохо, а через три дня, по прибытии домой, совсем разболелся. Есугэй-багатур был уверен, что татары его отравили.

Сегодня, через восемь с половиной веков, наверное, уже невозможно доподлинно узнать, было ли совершено преступление. Можно приводить много доводов за и против. Например, особенности внешности Есугэй-багатура – рыжеволосый и синеглазый, что является большой редкостью среди монголов – прямо-таки кричали татарам, что перед ними кто-то из Борджигинов. И уж догадываться о том, что они встретились с главным врагом их племени, татары, наверное, могли. С другой стороны, Есугэй ехал один, без свиты, как простой степняк-харачу, да еще в местах, очень удаленных от коренных монгольских кочевий. К тому же для отравления нужно иметь при себе яд, а кроме того, требуется возможность незаметно добавить его в пищу, что при совместной трапезе сделать куда как непросто. Учтем и то, что сам Есугэй точно знал, что перед ним татары, а значит, – был все время настороже. Ну и наконец, если татары узнали своего заклятого врага, почему они его просто не утыкали стрелами? Ведь никаких возможных свидетелей в округе не наблюдалось. В общем, версия отравления Есугэя татарами вызывает очень обоснованные сомнения. Но по большому счету, на самом деле это значения не имеет: главное, что в виновности татар был уверен сам Есугэй-багатур. А он убедил в этом своих родных и близких, что для татар обернулось страшной бедой через тридцать лет, когда сын и наследник Есугэя Темучин обрушил на них свой гнев.

Болезнь Есугэя оказалась смертельной. Уже чувствуя приближение кончины, он вызвал своего родственника Мунлика, поручил ему заботу об Оэлун и малых детях и, буквально заклиная, попросил привезти домой Темучина. Мунлик исполнил просьбу Есугэй-багатура и, не мешкая, отправился к Дай-сэчену. Любопытно, что, прибыв к Есугэевскому свату, он ни словом не обмолвился о тяжелой болезни своего вождя (более того, очень вероятно, что Мунлик уехал, когда Есугэй уже скончался). Просьбу отпустить Темучина Мунлик объяснил тем, что Есугэй очень тоскует по первенцу. Здесь явно прослеживаются какие-то подводные течения в степной политике, но разгадать точный смысл необычного поведения действующих лиц этой драмы сегодня едва ли возможно. Было ли тут опасение, что Темучин может стать заложником с целью «подправить» поведение жены Есугэя и его сподвижников, или здесь что-то другое? Какую хитрую игру мог бы вести мудрый и изворотливый Дай-сэчен, оставь Темучин в его доме? Однозначного ответа нет, источники об этом тоже умалчивают, и лишь Рашид ад-Дин упоминает о том, что отец Борте как-то противился свадьбе своей дочери с наследником Есугэя. Между тем, известные нам факты это мнение персидского историка никак не подтверждают. И позднее, уже в зрелые годы Темучина, Дай-сэчен пользовался немалым уважением; однако следует признать, что его влияние на свою дочь было минимальным. Во всяком случае, обман Дай-сэчена Мунлику вполне удался, и дальнейшего развития эта ситуация не имела. Будущий тесть отпустил Темучина с настоятельной просьбой поскорее возвращаться.

Современная монгольская юрта

Живым Есугэя Темучин уже не застал. Горе мальчика, обожавшего своего героического отца, было огромным. По свидетельству очевидцев, он захлебывался слезами и, упав на землю возле тела Есугэя, бился в судорогах. Старый Чарахай, отец Мунлика, пожалел Темучина, но дал ему мудрый совет поскорее забыть об утрате и взять на себя нелегкую ношу родового вождя. Совет, конечно, был хорош, но едва ли исполним. И Темучин был еще слишком мал, да и то, что Есугэй не успел стать ханом, очень осложняло ситуацию с преемственностью власти.

Смерть Есугэя резко изменила положение в монгольской степи. Очень скоро выяснилось, что далеко не все сподвижники покойного хотят подчиняться его вдове и юному наследнику. Чрезвычайную активность проявили и соперники Есугэя. Узнав о его кончине, в осиротевшее кочевье примчался Таргутай-кирилтух, чтобы «учить Темучина, как учат трехлетнего жеребенка». Несомненно, Таргутай воспринял смерть Есугэя как прекрасную возможность взять всю полноту власти в свои руки. Проще всего это было сделать, подчинив своей воле маленького мальчика, за которым, однако, стоял немалый авторитет удачливого воина-отца. Но Темучин, несмотря на юный возраст, похоже, плохо подчинялся влиянию, а главное – эту тактику Таргутай-кирилтуха раскусила умная Оэлун, которая совсем не собиралась отдавать власть, собранную трудами мужа, в чужие, да еще враждебные руки. Не

добившись успеха, Таргутай уехал. Открытая попытка взять власть в улусе Есугэя не увенчалась успехом. Но родовой вождь тайджиутов не думал отказываться от борьбы; он только перевел ее в другое, тайное русло. И вскоре эта новая тактика начала приносить успех. Первый удар был нанесен по авторитету Оэлун.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.